

НЕ
РОБКОГО
ДЕСЯТКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 20 ОКТЯБРЬ 1970

свеже

«Для комсомола остается немеркнувшим ленинский завет — молодежи нужен опыт старших поколений революционеров».

(Из резолюции XVI съезда ВЛКСМ).

ФАКЕЛ ДАЭО

Валентина КЛОЧКОВА, секретарь Приморского крайкома ВЛКСМ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ДЕЛЕГАТА XVI СЪЕЗДА ВЛКСМ О ТРАДИЦИЯХ, О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ, О ВЕРНОСТИ ИДЕЯМ ОТЦОВ

Апрель 1921 года был для владивостокских рабочих месяцем испытаний. В боевых действиях, обстановка которых тем, что регулярные войска Советов ушли на фронт, защищались белые офицеры, семеновцы и капеллецы, Японцы, нарушив свое обещание не вмешиваться во внутренние дела Приморья, всячески поддерживали белых. Становилось ясно, что сквата немыслима. В это время областной комитет партии и парккомендовали недавно созданному общекому комсомола организовать военный отряд среди членов Союза. Владивостокская комсомольская организация отличилась, справившись с заданием: учебный батальон, названный именем Гардии Красного Петра, был создан. Был создан и батальон, который, будучи направлен в помощь властям, не положение для он уже не мог. 26 мая белогвардейские офицерские роты превосходящими силами атаковали красных и вынудили их отойти. Для того, чтобы сохранить лучших рабочих и дать им возможность уйти из города и соединиться с регулярными частями, нужно было хоть на сутки задержать белогвардейцев в городе. Приказа во что бы то ни стало удержать дорогу, не дать белогвардейцам зайти в тыл и отрезать пути отступления получил комсомольский батальон.

Командир батальона Иван Захарович Сидоров и комиссар Александр Васильевич Бородин, комиссар отряда, общий начальник батальона Малышевского базара и в отчаянных борьбах всех задержали отлично обученных белых офицеров до ночи. Выполнив приказ, они оторвались от противника и ушли на соединение с основными силами партизан и регулярных войск.

Закаленные, не раз глядевшие смерти в лицо бойцы батальона все-таки пробились к своим, обменявшились с другими комсомольскими частями, батальон стал отрядом имени Карла Либкнехта.

Пять лет назад, на старте Всесоюзного похода по местам боевой и трудовой славы советской армии, вспоминая о подвиге батальона, комсомольская организация решила восстановить в памяти сегодняшних юношей и девушек геронимскую страницу прошлого — создание и боевой путь комсомольского отряда. Вновь был создан комсомольский батальон имени Либкнехта, кото-

рый должен был пройти дорогами своего предтечи. Мне довелось быть однажды свидетелем этого похода.

Хочу признаться, что в то июльское утро, когда 116 бойцов батальона собрались под знаменем, на котором щитком были вышиты две даты «1921—1925», настроение у меня было далеко не беззлобное. Время летних отпусков, время студенческих каникул, как казалось мне тогда, самым отрицательным образом сказалось на формировании батальона. Отнюдь не лучшим комсомольцам, как планировалось первоначально, выпала честь начать поход. Состав батальона получился пестрый: рабочие, учащиеся школ, производственно-технических учреждений, студенты. Уже в первый день бросились в глаза отличия в поведении между старшими и младшими. Старшие, с настроением скорей для веселого пикника, чем для серьезного дела. А ведь нам предстояло не только пройти по тайге и сопкам, но и побороть: встретиться с местными жителями, соорудить памятники там, где их нет. Комиссар батальона, как и сорок четыре года назад, был Александр Васильевич Базилов. С ним я и поделился своими сочинениями.

— Не робей, — сказал комиссар, — дорога покажет, дорога и научит...

Комиссар оказался прав. Уже потом, по окончанию похода, я прочла запись в дневнике, сделанную единой из тех, как мне показалось, не в меру эмоциональной. И вот что в ней было: «...Когда мы пришли в Красноярск. Мы идем по улице, где в последний день жизни шел он. Вокруг все обычное. Такое, как всегда... Но, может быть, именно здесь, на этом месте, отстrelивалась Коля, может, именно этот кусочек неба видел он в последние минуты. Мы положили на его могилу полевые цветы. Мы молчали... Каждый думает... Что мы можем для тебя сделать, Коля? Ты сделал для нас все — отдал жизнь... Мы постараемся доказать, что не зря отдавали тебе жизнь в семнадцатом...»

Не зря по лесным тропам шли отряды. Теперь этот другой отряд мы. Наш путь несравненно легче. Нас не подждают белогвардейцы. Нас не будет схватывать до последнего патрона. Мы идем, чтобы сохранилась память о тебе и твоих друзьях, которые отдавали для нас эти дороги и тайгу, спокойное небо, дали нам право на этот мирный поход по партизанским тропам...»

Я много думала тогда: с чего это началось, как обычный турпоход для автора запись стал чем-то неизмеримо большим и японским? Я не нахожу другого объяснения, чем то, что сформировалась тогда для себя: эффект личного привнесения к прошлому, эффект личного участия.

По всему маршруту нас встречали старые партизаны, участники гражданской войны. Они рассказывали о прошлом, и они вспоминали безыскусные рассказы, конечно, западали в душу бойцам батальона. Но ощущенный резкий перелом в настроении даже у самых равнодушных произошел в селе Ново-некино. Неподалеку от этого села при взрыве бронеплоуда погибли два десантника из группы Героя Советского Союза Григория Семёнова. Наш комиссар рассказал ребятам об этих героях, показал скоту, где они были погорожены. С подношения ее наши мальчишки взяли по большому белому камню, девушки собрали цветы. Началось торжественное восхождение к вершине. Временный памятник, конечно, не был особенно монументальным. Но от начала до конца мы сделали его своими руками. Когда работа была закончена, двум бойцам батальона, недавно вступившим в комсомол, были вручены билеты... В этот день впервые на глазах ребят я видела слезы.

В 1970 году Сергеем Лазо были сказаны слова, которые мы никогда не должны забывать: «Вот это эту русскую землю, на которой стою, мы умрем, но ее отдаст наследникам».

Этот действенный, готовый к любому подвигу во имя Советской Родины патротизм мы должны воспитывать в каждом юноше, в каждой девушке нашей страны. Благородная задача эта в условиях Приморского пограничного края является особенно острой и насущной. Героическая история дальневосточного комсомола указывает пути ее осуществления. Память о погибших героях должна жить в сердцах живых; от фишки, зараженного ими, можно и нужно защищать сегодняшнюю молодежь.

Весь вопрос, очевидно, заключается в том, как это сделать с наибольшим эффектом. Всесоюзный поход по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа — это отличная педагогическая находка для этого самое. Он позволяет включить в учебную программу практику, привлекая к ней внимание школьников. Наш опыт говорит о том, как важно, чтобы это происшествие было связано с конкретным делом, с работой, с теми линзовыми камнями, который принесли ребята на могилу погибших. При этом воспитание патротизма отнюдь не всегда может связываться с дальними походами, с той порой искусства создания романтической, без которой мы боямся шагнуть ступить. Главное здесь — внутреннее смыслы самого дела.

Однажды во Владивостокском гарнизоне комсомола пришел забоченный заместитель одесского профкомитета «Большой». Встречаясь с ветеранами, он спросил: «Помогите, ребятам не хватает ответственных городов, за которые учиться...». Основанный перед самой войной, оно в эти времена готовилось отметить свой юбилей. Следовало воспользоваться этим обстоятельством, Но как?

Мы посоветовали разыскать бывших учащихся училища, участников войны. Эта мысль понравилась. В воинкомат направились две девушки-ученицы. Они привнесли весть, которая всколыхнула все училище. Оказывается, в громком зале первом училище почти в полном составе — учителя и воспитанники — ушили на флаги. Ребята захотели выяснить, кто погиб, кто жив. Первворожденные сотни документов.

Нет, не пущены были направлены в воинкомат, Бригада, которая работала там, состояла из не очень дисциплинированных и не очень трудолюбивых ребят. Но изо дня в день через их руки проходили пожелтевшие копии «Погиб, погиб, погиб...». И адрес, и год рождения, и время гибели. Мальчишки было 18—19 лет. С трудом удалось разыскать только двух оставшихся в живых ребятами, которые и сегодня трудятся во Владивостоке. Да и 167 погибших не удалось найти. Но это не помешало ребятам на юбилее, и они вспомнили погибших, в честь которых перенесли в первую очередь те, кто нескользко недель прикасался к самой истории, и ее документам.

Эти и подобные факты заставили нас с особым вниманием отнести к прошлому отдельных комсомольских организаций края, района, города, села. Как известно, наибольшую тягу к этому обычно испытывают люди старшего, а то и преклонного возраста. Они — главные летописцы наших предприятий, городов и сел. Но со временем подготовки к 50-летию ВЛКСМ мы настойчиво пропагандируем примеры комсомольского, молодежного поиска, всячески стимулируем интерес к прошлому, к памяти, к погибшим. Вспоминая многие организации приступили к этой работе и уже немало преуспели в ней. Составлена летопись Спасского цементного завода — первой ударной комсомольской стройки тридцатых годов; летопись комсомола Дальневосточного пароходства; старшего, славного своим революционными традициями ордена Ленина «Дальзаводом»; комсомольских организаций городов Спасска, Артема, патротикового Шкотовского района.

Интерес и тяга к прошлому, стремление притянуть к истокам проникают все глубже и глубже в комсомольскую массу. Когда рабочая маклена села Токаревка, где родился один из первых несметных членов, впервые взялись за дело, они же пропагандировали, каким вспомнили, образом: «Вспомнили, повторяю, небольшое, со временем строительства колхоза в нем многое удивляется. Но же же сильчане сохранили память о молодом парнишке Сергея Ковале, секретаре комсомольской организации, который первым вступил в колхоз и уговаривал вступить в него свою семью. Вскоре его убили кулаки. Люди помнили, как потом чекистам удалось выловить Сережинкин убийц, и как их вчера село, и крестьяне, особенно женщины, желавшие молодого парня и его сына, зажгли факелы и лежали на земле. Помимо большой и кропотливой работы в архивах, опрос многих сенешателей, пока не стало ясно, что Серега был прирожденным агитатором, умным, страстным, увлекающим и что именно за эти качества его так быстро ненавидели араги.

Комсомольцы маленького села всколыхнули весь район: Сергею Ковалю надо воздвигнуть памятник! Парни и девушки окрестных сел не поддержали, и сейчас в районном центре, в селе Новая Покровка, на средства, зарубленные комсомольцами, поставлен памятник комсомольцу-герою.

Для нас абсолютен ясно: действенный патротизм невозможно воспитать, если не использовать вспоминание прошлого, не привлекая к патротизму историю. Конечно, значение этой пропаганды, по главным и конечным, считаются также организация жизни молодежи, при которой патротическая закалка является следствием, неизбежным производным от ежедневных дел.

Многие комсомольские организации предприятий шефствуют над военными организациями. Долгое время отношения эти были односторонними. Комсомольцы бывали в гостях у воинов, привозили им подарки, рассказы-

Пропаганда всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 20 [1042]

ОКТЯБРЬ

1970

Наша обложка: Юный пожарный.

Фото Мираслава МУРАЗОВА

Фотопортрет «Не родного десятка» — на страницах 20—21.

2 КЛЯТВА У ПАМЯТНИКА.
Репортаж с праздника посвящения в рабочие.

12 РАССКАЗ О ХАРЬКОВСКИХ СТУДЕНТАХ — СОЗДАТЕЛЯХ СВЕРХСКОРОСТНЫХ ГНОЧНЫХ АВТОМОБИЛЕЙ.

16 КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ. БЕЛЫЙ КАМЕНЬ ОЗЕР.

Фotoочек.

22 БЕСКОНЕЧНЫЙ ПОЛЕТ КОПЬЯ. Очерк В. ВИКТОРОВА об олимпийском чемпионе Янисе ЛУСИСЕ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ВСЕСОЮЗНАЯ ТРУДОВАЯ ВАХТА МОЛОДЕЖИ
В ЧЕСТЬ XXIV СЪЕЗДА КПСС.
«ВИЖУ ЗЕЛЕНЫЙ!» РЕПОРТАЖ
О БУДНЯХ МОЛОДЫХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ТЮЗ —
ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

РЕПОРТАЖ О ДЕЙСТВИЯХ РАЗВЕДЧИКОВ
ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫХ ВОЙСК СССР

ЭЛЕКТРОННЫЕ МАШИНЫ И ИСКУССТВО

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замошник, Р. Ф. Казаков, П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцик [заместитель главного редактора], Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник]

Художник Г. С. Терзибашвиц

Технический редактор М. З. Шалаева

вали с своей жизнью. Встречи на гражданской территории, как правило, выливались в веселые отдыши. И наиболее приятные складывались там, где были организованы настоящие шоу с оркестром.

Нам представляется, что армейский и флотский комсомол уже перешел это положение пассивных подиумных. Опыт показывает, насколько велики возможности подлинно разно-правной дружины. Речь идет не только о благотворном влиянии армейской дисциплинированности, подгнанности, геронимических традиций советских воинов. Речь еще идет о приобщении ребят «к гражданским» к этим традициям через стрелковые, военно-технические кружки и секции, вести которых могут и должностные комсомольцы армии и флота. Такой опыт у нас уже есть, и он присутствует очевидными результатами.

Вместе с тем мы ищем возможности «присоснуться» к армейской и флотской жизни для самого первого поколения молодежи. Так вот мы и находим ее, среди тех, кто из более ранних поколений корабельного Краснознаменного Тихоокеанского флота «Владивосток». Командование флотом поддерживает. И когда ракетоносный корабль зашел к нам на маневры «Океан», сотни комсомольцев побывали на его борту. Их принимали мужественные, обстрелянные ветрами трех океанов моряки, их сверстники, побывавшие под флагом национального государства в множестве иностранных портах. Десятки летучих комсомольских собраний, в повестке которых стоял один вопрос: «Быть патротом, гордиться своей Родиной и уметь защитить ее!» — стихийно вспыхивали на борту «Владивостока». Моряки показывали современную сложную технику, рассказывали о своих загорчайших впечатлениях, о том, каким уважением пользуются советские военно-морской флаг на всех морях и океанах.

Это было поистине прекрасный урок гордости за свою Отчизну, создавшую великолепный современный флот, за наших моряков, отважных, образованных, умных.

Уже говорила, что одной из цели похода батальона имени Карла Либкнехта было обнаружить места захоронения героя гражданской войны и соорудить им временные памятники. Первый поход положил начало этой работе. Тогда на карту края комсомольцы нанесли свыше 200 мемориальных мест. Потом к этой работе по нашей просьбе подключились художники и скульпторы Владивостока, Артема, Уссурийска, Сумана. По их эскизам и проектам, сделанным чаще всего на общественных началах, и на средства, заработанные комсомольцами и молодежью, а также, по последние пять лет сооруженными на средства 260 комсомольцев, были обелиски, мемориальные знаки из них, как памятники героям гражданской войны Виталию Бондареву, Марии Цукановой, санитарке, Герою Советского Союза, во Владивостоке; отважному комсомольцу, под пытками не выдавшему партизанские тайны пламонам, Крониду Коренину в Сумчане; младшему лейтенанту Ивану Калинину в Пограничном районе, и многие другие подлинными украшением городов и сел, являются настоящими произведениями искусства.

Здесь необходимо упомянуть о тех гражданско-патриотических обрядах, которые все активней утверждаются в нашей жизни и которые благодаря произведениям искусства — памятникам и мемориальным знакам — приобретают свой смысловой и эмоциональный центр, создают эффект личного прикосновения и прошлому.

Память о героях, погибших за свободу и независимость нашей Родины, всегда жила и живет в людях. Преклонение перед павшим борцами и является одним из выражений лучших патриотических чувств народа, его мировоззрения. На протяжении десятилетий, например, первое воскресенье августа было для поклонников бойцов гражданской войны праздником сражения на озере Хасек. Но не только на Приморском крае, но и в соседних областях на кладбищах, где они покоронены, съезжались к ним друзья, родственники, приходили молодые и старые люди из соседних сел. Этот трогательный, стихийный, возникший обряд живет и сегодня. Но он наполнен новым содержанием, особым смыслом, когда на высокой сопке, царящей над местностью, был сооружен памятник погибшим героям.

Родина, конечно, начинается с того места, где человек родился, но патриотизм — явление более глубокое, он включает чувство братского родства со всеми людьми страны, с ее городами и селами, с ее могучей промышленностью, бурной развивающейся культурой.

Мы живем на самом краю твоей земли, которую называем Советским Союзом. Здесь рождается утро нашей Родины, и здесь ее границы. И надо жить вместе с нами, чтобы понять нашу гордость за то, что за твоей спиной такая большая, такая могучая страна. Это почти физическое ощущение — за такие годы, какими стала одна из источников нашего особого дальневосточного патриотизма. Но это же не значит, что многие молодые люди знают об этой стране только из учебников, газет, по передачам радио и телевидения. Это много и мало одновременно. Потому что никто так не укрепляет наших родственных связей со всем народом, как личное знакомство с его жизнью, с его трудом.

В этой связи взрывоизносный турнир представляет собой воспитательным инструментом особый целенаправленный силы. К сожалению, комсомол еще не овладел им с достаточным мастерством.

За короткое время в нашем крае большую популярность приобрели сплошные туристические поездки «Тихий океан», идущие на запад. В течение пяти лет профсоюзы организовали 15 таких поездов. Тысячи промысловиков познакомились с городами, о которых прежде только слышали: с Ленинградом, Ригой, Гурьевом и Таллином, Волгоградом и Сочи. Все путешествующие в этих поездках, как правило, оставляли доволенными поездкой. Но маршруты этих поездок не всегда отражают пожелания молодежи, да и стоимость таких поездок еще выше, чем для студента, молодого рабочего, хотя ясно, что можно и нужно организовать поездки, которые бы могли бы привлечь больше маршруты интересными и общедоступными. Ведь и рикши и горячевые чайные хотели бы увидеть наши Владивосток, амурские сопки. И я знаю, что этот интерес к не виденным еще городам, полам, селам — не праздный интерес, это проявление огромного духа наших юношей и девушек к Родине. Поэтому линия гражданско-патриотического воспитания не случайна в нашей работе, а является выражением глубинных запросов нашей молодежи.

Есть такая закономерность: хорошо поставленная работа по патриотическому воспитанию означает прямой рост авторитета комсомола. Там, где широко и постоянно проводятся походы по местам боевой и трудовой славы, где хранится память о героях, неуклонно растут ряды организаций, все больше юношей и девушек связывают свою жизнь с нашим Союзом.

Факел Сергея Лазо горит в душах нашей молодежи. Наша задача — сделать так, чтобы чистое его пламя светило высоко и ровно.

Далее дороги не было. Дальше была Аладаг. Бескрайний лес, покрытый деревьями, погибшими в пеплогод. Здесь, у озера, разбросанным полуказодом поднимались к небу бетонные артефакты уникального памятника. Он стоит как символ нечеловеческой стойкости и мужества бойцов, на давших врагу сомнить в этом месте обруч блокады вокруг Ленинграда. Здесь проходила в годы войны знаменитая «Дорога жизни». Легко по пути можно увидеть остатки зданий, разрушенных в результате бомбардировок. А обратными рейсами везли продовольствие, боеприпасы, медикаменты — все, что нужно для жизни города-крепости, города-фронт. И все это под непрерывными бомбежками и обстрелами. Все это, отбивая атаки, замерзая, борясь с зоди, подставляя свои головы под пули, погибая. Для скользких сфер, боевых, бойцов охранения эта дорога стала последней... И мемориал на берегу — памяти тру — их памяти.

Первыми вышли из машин ветераны-автомобилисты, работавшие когда-то на необычной ледовой трассе Петр Афанасьевич Пискул, Зинада Ивановна Григорьева, Федор Иванович Краснов, Алексей Андреевич Марченко. Не сговорившись, направились к бетонным дутям мемориала. За них вспыхнули фонари автомобилей арборов, принимали клятву в верности своему слову «сердцу» от поэзии — выступившему «сердцу» Евгению Ленинградского автомобильного профтехучилища № 31.

Знаменитые музыканты Геннадий Соловьев, тоже бывший поэт «Дороги жизни», Александр Федорович Ильинец, Герой Социалистического Труда Федора Ивановича Краснова. Напутствуя, пручив молодым рабочим подарок. Но самое, пожалуй, главное началось после, когда как-то самой собой образовались вокруг каждого ветерана группы молодежи. И начались воспоминания о войне, о героях, о погибших в трудах и в боях. Хороводы и тех, которые начинаются там, где кончается асфальт. Которые проверяют тело «на зуб»: насторожай ли ты шпор и чехлов.

Не хотелось прерывать этих разговоров. Хотелось просто слушать, глядеть на ребят, вспоминающих каждое слово, переспрашиваящих, задаю-

ВЫПУСКНИК ВАЛЕРИЯ КОНСТАНТИНОВА:

Хочу сказать о взаимопомощи. Выывает такая машина, что легче дается мотор машине, другому — элементоизборудование. На практике мы видели, как работники разных профессий, в случае чего помогут, товарищ А он, если надо, тебе поможет. Так и чувствуешь, что ты не один. И это не только профессии, как и ты, притын на выручку.

ВЫПУСКНИК ВАЛЕРИЯ БУЧНИКОВА:

А у меня все в роду шоферы. И дед за Баранов сидел отец. Батя к тебе обращается. Особенно если дело касается каной-инбайду новой машины.

Рассказали мне и о том, как ребята сами придумывали для себя форму — звезды из гравийного щебня, с забавными рожами на руках и колготками на фронтовых. Рассказали и о том, как они агитируют школьников поступать в училище. Приходит на перемене та же школа в класс и разворачивает гей-нбайду в коридоре со старшеклассниками. А потом, глядь, появляются в ученическом зале со всеми флагами. Хочешь поступить. Был у нас Володя Бабкин, здорово рассказывал об училище...»

Сам Володя Бабкин сейчас заместитель секретаря комитета комсомола. Он много говорит о росте организаций, о том, что комсомольцы должны лучше изучать «Молодой патриот», о друге Валерии Константинове, который отлично играет на трубе и будет кончать музыкальную школу.

— Ну, а ты что гей-нбайду будешь учиться дальше? — спросил я его.

— Обязательно! Есть у нас в Ленинграде специальный техникум по геодезии и топографии. Готовят мастеров профтреобразования. Хочу пойти туда. Буду сам ребята воспитывать, готовить из них хороших специев для заводов или для транспорта.

Конечно, праздники посещения в рабочие. Теперь выпускники разъезжают на разных машинах по всему ленинградскому управлению автомобильного транспорта. По разному сложится их судьба. Но верится, что их жизненная трасса, начавшаяся здесь, у легендарной «Дороги жизни», будет прямой и светлой.

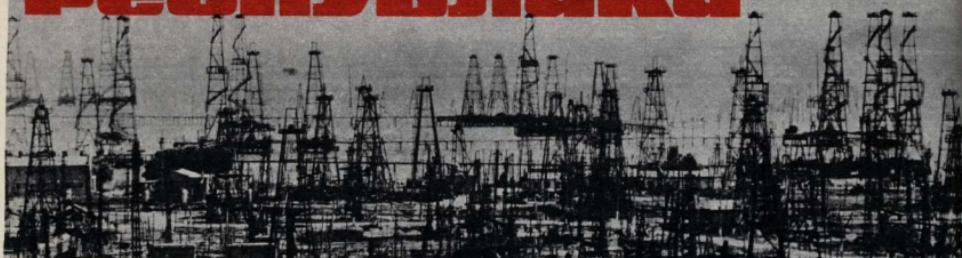

КАЯТВА У ПАМЯТНИКА

Татьяна КАМЧАТОВА, Мирослав МИХАЙЛОВ [фото]

СОЛНЧЕЧНЫЙ ДЕНЬ РЕСПУБЛИКИ

•
Идет нефть Ашхерона.

•
Продукция Сумгаитского трубопрокатного завода предназначена для нефтяной промышленности страны.

•
*Комсомолка Вафа Масимова — да-
бракица Шекинского шелкового
комбината.*

В эти октябрьские дни на солнечной земле Азербайджана празднуется большая дата — 50-летие республики и ее Коммунистической партии. Это торжество стало ярким событием в жизни всего советского народа. Энергично, уверенно шагает вперед молодежь Азербайджана, ставшая по призыву партии и комсомола на предъездовскую трудовую вахту. Юбилей республики убедительно подчеркивает преданность юного поколения идеям Ленина, верность делу отцов, готовность к новым подвигам во имя победы коммунизма.

50
ЛЕТ

Джакан АФРУЗ

Моя земля

Моя земля в цветах зимой и летом,
Их не собрать в букет,
не сочинять.
Не замести их ни дождем,
ни снегом,

Руками в одиночье не собрать.
Попристальной глядитесь в море
наше —
Хоть ветер зимний и сбивает с ног,
Хребет волни все зростной
крайне —
Чем не расцветить по весне цветок!
Хоть не цветы Гек-гель в разгаре лета,
А облака степные — в сентябре...
Вы посмотрите,
розоватым светом

Мерцают наши скалы на заре.
Я за цветы вас принимаю, люди,
Живущие в республике моей...
Бот девушка,
Бот мозговая из поэтик,
Прокодит мыло юных теплоты.
Бот человек — напоминает тем-то
Цветок, —
расцветший
в утренних горах.
В любую пору,
и зимой и летом,

Все лучшее земли — в моих цветах...
А вот с любовью
смотрят мать на сына,
Ее глаза, как венчик цвет, нежны...
Мои цветы —
они в венок единый,
В венок любви и дружбы
сплетены!

Переведена с азербайджанского
Варвара КОНСТАНТИНОВА.

МЫ ЕХАЛИ К СЕВИЛЬ

Ия МЕХИ

Это было в 1921 году...

23 СЕНТЯБРЯ. В. И. Ленин руководил заседанием ЦК Труда и транспорта, который был заслушан докладом Н. Орджоникидзе о направлениях Муганской стены; принятые решения и направления на разработку были Госплану.

30 СЕНТЯБРЯ. В. И. Ленин председательствует на заседании СТО, на котором обсудились мероприятия по организации работ на Мугане, Ленинскому, Аракса и Ильхамскому, и Ильхамскому, направленные в Азербайджан в начальникеуполномоченных СТО для организации работ на Мугане.

12 ОКТЯБРЯ. В. И. Ленин руководит заседанием СТО, на котором обсуждается внесенный Лениным вопрос об отпуске Азербайджанской ССР средств на проведение мелиоративных работ на Мугане.

Это было в 1922 году...

ОКОЛО 1 ОКТЯБРЯ. В. И. Ленин принимает членов Президиума А. Ф. Маслнова и в беседе с ним советует привлечь внимание к работе по разработке Муганской стены и в особенности на Мугане.

4 ОКТЯБРЯ. В. И. Ленин руководит заседанием СТО, на котором было принято решение об ассигновании на организацию транспортного парка на Мугане для разработки холмисто-равнинных земель.

17 ОКТЯБРЯ. В. И. Ленин руководит заседанием СТО, на котором было принято решение о передаче десяти тракторов Управлению мелиоративных работ на Мугане.

Когда едешь на Баку в Муган, то начнешь жалеться, что время отбросило тебя назад. Шумный, яркий город остался позади. Каспийское море с нефтяными вышками на воде тоже далеко. Горы, покрытые лесами, смотрят на тебя с гордостью. А главное, стоящие у дороги деревни с деревянными соленными землями, не накрывают никакую траву — ни людям, ни скотине, ни птицам, ни пчелам. Конечно, где-то там, недалеко с дороги, пашни, где-то возделанные поля. Здесь только широты. И как хотите, но это говорит о том, что мы еще скажочно богаты, если до сих пор не прибрали к рукам эту землю, всю, до

самой дорожной полосы. Это говорит о том, что работы у нас еще неподготовленный край и очень нужны такие люди, как Севиль.

Знавете ли вы Севиль? В одной руке — коробочки с цветами, в другой — потешную деревянную куколину. Эта девушки-азербайджанка. Ее бабушка в ее годы боялась показывать людям лицо... Может быть, вы читали поэму «Дочь солдата Наби Хазри, отличную поэму, которую отметил своей премией Ленинский комсомол»? Это о Севиль. А бронзовая голова на базальтовой стелле? Весь Баку знает ее. И это она, Севиль. Мы были у автора — скульптора Миннавер Раевской. Миннавер рассказала о том, как долго она искала свою модель. Переbrала много фотографий.

— И другую я увидела ее, — рассказывала Миннавер. Девушка с цветами, которая встречается обычно у нас, в азербайджанских селах — в кошынках, в длинных юбках, ждется друг к другу, стесняются. И однажды Севиль стоит в рабочих брюках, стройная, спортивная, глаза озорные, и она сама какая-то открыта...

Эту мысль и эту любовь мы проплыли в работе скульптора. Она вызывает желание узнать о чебе больше, чем говорит портрет. И вот мы едем по Мугану к Севиль.

Одна равнина кончается, другая — начинается. Глазом не различишь. Но вся эта громадная плоскость, в двадцати Аракса и Куры называется Муган, та самая, о судьбе которой думал В. И. Ленин.

Ленин не был в Мугане. Это-то и поражало бакинцев, разговаривающих с ним о Мугане. Да, у них, у нефтниками, немало своих забоев. Но разве не было меньше у Ленина? А он рассказывал им про их Муганы, и просил, и требовал: нельзя мириться с тем, чтобы земли, когда-то преданные ому и мечу, выкованные со всеми своими крестостями и посвященные доле, оставались веками в пустыне. Никогда мы не будем с теми солнечными лучами ляжемся на шаман, а не на златоглавый виноград. Правда, в Мугане не было воды. Об этом Ильхам и толковал: Муган надо просыпти. И он активно помогал, посыпал деньги, мануфактуру, сахар, лес для чеканников, чтобы они поскорее строились, оседали на земле. Можно лишь представить теперь, как по этой же самой пыль-

ной дороге скакали в стель первые посланцы Ильчы, как вслед за ними тащились арбы с тюками сицце, грохотали фордозы... А в страшный январский день, когда грот с его телом внесли в деревенскую маззолей на Красной площади Москвы, — другая грань (символический, разумеется) муганской истории. И когда опустился зево у себя в Сельянах, в степном городке, в маленьком селе, который теперь носит имя Ленина.

Мы ехали к Севиль через этот городок. Он стоит на берегу Куры. Кура здесь широкая, медлительная и важная. Притока к ней, как буйволы на водопой, сосут ее восемь мощных насосов по Головному сооружению. Но есть и 2-е Головное, которое не загораживает у Куры десятки кубов воды ежесекундно. Вода не идет своим ходом. Надо ее подогнать, тащить к водоподъемникам, чтобы она в один соли землю, а в других промыла ее с отол, злейшего муганского врага. Большое, сложное хозяйство с множеством промежуточных станций управляет с одного пульта одним диспетчером. Здесь тихо, мигают на панелях сигнальные огни. Это значит, где-то, скажем, за пятьдесят километров, что муганцы достигли высокого уровня культуры мелиорации, потому что проста канала рильи и во времена блестательных шагов. А здесь всю эту систему механического орошения смонтировал сибирский инженер Фирдузов Газев, который сейчас далеко отсюда, откуда то место и называется Ближний Восток. Словом, он на два года отлучился, Муган спас.

А мы продлили свою путь, и на этом пути — село Саран, одно из тех редких, чахлых сел, которые все-таки стояли в степи до Октября, от которых, как от корня, поднялась теперешняя Муган. Стала быть, есть на Мугане и старожилы! Таков Кудрат Самедов, сибирянин житель, председатель колхоза имени Низами. Когда здесь появился первый хлопковый поле, Кудрат принял новое для Мугана дело — хлопководство. И собирали хлопок, звали и член других. Как лучшего сорбира хлопка его послали на первый в нашей стране хлопковый съезд в Москву. Представьте себе, как он возвращался со съезда, как

его тогда встречал Сарвам! Теперь поездками в Москву никого не удивишь... Вот и сегодня в четыре часа утра вернулся Кудрат из Москвы, а через несколько часов мы нашли его на хозяйственном дворе. Вместе поехали на поля. Кудрат рассказал, что давно у него сидят бурые деревья, и что это из-за засухи. Рассказал, почему колхоз награжден орденом Ленина, почему сам он носит Звезду Героя Социалистического Труда... Мы стоим с ним посреди дороги, Справа тянутся ровные строи недавно построенных молодогод хлопчатника, а рядом комбайны убирают зерно. Степной ветерок порывисто толкает в лицо душную хлебную волны. Кудрат молчит. И приятно слышать стрекот птиц. И даже Севиль тоже. Вместе сидели они на активах и слушали, он — «убеленный сердцами», она — чернокосая комсомолка. А когда Севиль шла на трибуну сказать свое слово, Кудрат, наверное, улыбался и качал головой: «Ничего, девочка, не робей!» Севиль говорила всегда смело, звонко, а заканчивала речь стихами. Севиль писала стихи.

Может быть, она и не бессознательно удивляется этой приватной, новой земле дрожью? Мини, этому новому, с ноготками, городку Жданову. Севиль жила в этом городке. Позитивное состояние души ее выражали в стихах, и улыбка, и горячие дали ее на полях родного совхоза.

Она пришла в совхоз из профтехучилища в 1960 году. Ей было 20 лет. Дала машину ХВС-1,2, и она стала убирать хлопок. Отгромный пятитонный корабль и маленькая девушка!

Раздавленная хлопком, она устала от работы, что значит не девица! Сидеть у рулет! Но может быть, девушке больше подходит сидеть в три погреби и накапливать пальцы о жесткий хлопковый коробок!.. Очень скоро Севиль стала бригадиром. Ей дали сто гектаров. Работала упенно. Получила от совхоза премию: автомашину «Москвич».

В ту осень погода стояла неважная, хлопок созревал неравномерно. И однажды сказала Севиль директору совхоза Керму Кульеву:

— У меня есть хлопковый рабочий робот. Снакала в помогу твоему бригаде, а тем временем мой хлопок созреет.

23 сентября она начала собирать у себя. Через два дня собрала восемнадцать тонн. Вечером ей вручили совхозный вымпел. На следующий день были гости из районного центра, из Баку. Севиль не оставляла машину, только кивала им со своего высокого мостика. Стало вечереть. На полевом сиденье умыкай!

— Севиль, еще один заход...

Маленькая сестренка Сона попросилась на мостик. Севиль цинула на нее, не взяла. И двинулась по полю далеко — не тот край.

Прошел час. Сыщен шум мотора, а машина стоит на месте. Звать бесполезно. Тракторист Ганинок побежал узнать в чём дело...

Этот сплошной шум, исходящий от дороги, склонил головой навы. Севиль увидела на щите, у руля, сигнал: забита левая сторона приемной камеры. Она остановила машину, но уборочный аппарат не выплюнул. Покинула мостик, подошла к приемной камере, присела и открыла окончик, вынула застрявший там сор. Тогда хотела было подняться на ноги, но затылок коснулся карданного вала. У Севиль были длинные косы. Вал проворчал их... Вал делает девятьсот оборотов в секунду.

Мы видели эту машину. Она стоит в парке. Ней не работает никто. И вообще эти машины устарели, а в новых сериях (совхоз написал об обстоятельствах гибели Севиль) карданный вал упрятан внутрь... Мы видели полевой стан с двумя деревянными вишинами, которые посадили Севиль.

Когда она погибла, ей было 23 года. Она не знает о том, что теперь на Мугане есть совхоз имени Севиль. Имя Севиль — это имя героя Социалистического Труда, а в Баку, в сквере ее имени, у ее бронзовой головы с косами, которая не пускат стену, юноши и девушки дают присягу верности Ленинскому Коммунистическому Союзу Молодежи. Она не знает, что сестренка ее Сона и брат Ибрагим закончили профтехучилище и сидят, как и она, в руло хлопкоуборочных машин.

Лучше, что она была с нами, чтобы учить Сону, помогала друзьями, чтобы ее спасти. И мы сказали нам, что Севиль Гавань, мы помянули Севиль. Мы познакомились с Малеей Таривердиевой, которая и теперь водит машину, как Севиль. Мы видели плодовый сад, в котором совхозные мальчишки собирали виши. На виноградниках вызревали солнечным гряды. В стени, под Ждановым, шумел лес, посаженный человеком.

ГАВАНСКАЯ СИГАРА

Юрий ИВАНОВ

а конечной Вовка зыркнул в зажигание, спрыгнул на автомобиль, и раскуривая ключ на тонкой цепочке, запарковал по шпарившему асфальту.

В запасе был десерт минут. И Вовка шаг не спеша помчимся солнышку и умылся неизвестно чему.

Табачный книжок был похож на автобиографию, в котором сдеяла толстуха-продавщица, четырьмя отражалась в стеклянных стеклах. Вовка оставил ее у кiosка, собирая монетки в кармане, и умылся. За стеклом лежала ею одна птичка. Солнце пыталось на ее боках, передавалось плавленным серебром, звенело маевенками, писалось колокольчиками.

Странный, волнистый огурец!

Вовка умылся игрушке, вытащил деньги и посмотрел на толстуху. Она лонко лузгала семечки.

— Берите, берите! — стеклились кивнула толстуха. Высший сорт! Гавань!

— А вы что предпочитаете, — спросила, умывшись, Вовка, — «Гавань» или «Янук»?

Семечки, молодой человек, — ответила она и вздохнула. — Тоже, между прочим, сараса.

Вовка сунул ей деньги и взял игрушку. Плавленое серебро было искрено. И колоколики тоже. Остались притянутый целиком, сквозь который просвечивала загорелая сигара. Здорово, Гавань!

Вовка отмеряя дорожку к автобусу, забрался на свое место и включил зажигание. Народу слабо, человек шесть. Вовка закурил сигару и подпонял Фидело. Кастро весело умылся ему с нетром стекла и тоже курил сигару. Конечно, гаванско!

«Хорошо», — сказал Вовка еще разине, у несклонившейся утюкачи уточки не кончились, под колесо нико не ложился. Вторая смена, воняет салат — урожай доучивается. Вот час через три — глади в оба. Тогда этот брат Косинок пойдет. Старники и старушки приподнялись — него-то жарко сегодня, но не пыль.

А жара и первым удивительным! Будто не сентябрь, а июль на дворе. Одна примета — листва. Эх, красотища! Вся Московская улица усыпана кленовыми листвами. Каштаны, как по персидской корову, только под колесами — ширши. Жалко даже ехать по такой красоте — жалко, красное, малиновое под ногами. А на головой — голубое небо и не пыль — черные силуэты кленовых ветвей. Красота против света не цветит, а тоже черные. Красиво. Чистая тепло-града.

Возле автобусного парка Вовка увидел Самохина. Тот стоял на обочине трутура, подняв руку, смотрел на Вовку и умылся. Остановка здесь не была. Вокруг поморщился, но притормозил и открыл переднюю дверь.

Самохин весело запрыгнул в автобус и крикнул:

— У базы притормози!

Вонек хотел поморщиться, но увидел в зеркальце, что Самохин смотрит на него, и сдержалась.

Он, конечно, был бы виноват, если бы молотобойщик в кузне, а он кузнецом под пот в лет двадцать. И всегда под хмельком, четко разыгрывал Вовку галущу на Самохина в зеркальце: ни, точно, опять ржавая щетинка торчит. Всем он говорит, что бороду у него вырастет часа за четыре, чтобы биться не поспевалась. Ребята рассказывают, что син посторона однажды. Принес в гарячий битум, при всеобщем побрил его с утра, а к обеду — точно — снова щетинка выросла. С тех пор называли Самохина Бородой.

У бэзда Вовка терпимоулся слова. Самохин выскошил, блеснув рыхлой щетинкой. Даже не обернулся. Будто так и надо — выскакивай его там, где ему хочется.

Вонек посмотрел вслед. Борода, на его бородавках, чуть пурпурна, чуть пурпурна. Вонек щетинку вымыслил, как засек его однажды. А ироничен, засек ли? Не заборот ли было — воспоминался Борода его, Вонекиной, простотой.

Как-то в парке, перед выездом на линию к Вовке в автобус заскочил Самохин и крикнул дурманящим голосом:

— Прокатки, мила-а-ай!

Вонека эта усмешка, заскакивая, захлопнула дверцы, подмигнула Бороде в зеркальце: поморщила морщинки за коротко. Она думала, что Самохин будет стучать в двери и кричать, что попутна и пусть Вонека его вымыслил — на работе все-таки. Но Борода сидел, жмурясь и умылся.

На первой остановке, где Вонека брал пассажиров, он выскошил и на тротуаре, не тащь, пытаясь из-за ремня, из-под куртки, какуюто же лезнину, завернутую в трикотаж.

— Бот броядя! — подумал Вонек. Он усмехнулся и не приводил бы это этому особого значения. Но вот забыть никак не мог. Как увидел, что Вонека усмехнулся, виновато.

Вонека щеголяя спиральной, яростной автобус помчался по местовой. Время от времени гаванская сигара гасла, когда Вонека задумывалась о чем-нибудь и забывала ее посыпать. Тогда он снова зажигал ее в цилиндре и клац вверхний карман руночки. Потом доставал свою и закурил.

Ездил Вонека быстро, лихо работая барабанкой. Он считал, что лучше лишие помнити постыдиться на остановке, чтобы люди спокойно вышли, сели, чтобы было время подождать еще немножко и уж тогда ехать.

Когда у него было веселое настроение, пассажиры тоже не скучали. Всю ночь все смеялись на его маршруте, а потому считал, что об этом должны знать и это факт с ним.

Дачная! — объявила по радио Вонка. — Следующая — кинотеатр «Октябрь». Меж тем, прочим, там идет новый фильм — «Мертвый сезон». Студия «Мосфильм». Играла Банникова и Быкова. Очень советую посмотреть!

Он влез в зеркальце, как умылся пассажиры, и иногда кто-нибудь и в самом деле склонялся на «Октябрь», и пока Вонка стоял на остановке, поднималась по лестнице в кинотеатр.

Вот из-за этого самого «Октября» и выпала раз у Вонки крупная неудача. Ведь Вонка хвалил только те фильмы, что ему нравились. А про то же не вспоминал.

Как-то, отъехавши от Дачной, он снова сказал, что следующая — «Октябрь» и что в кинотеатре идет повторно очень плохая комедия «Осторожно, бабушка!».

Вонка так и сказал:

— Фильм, товарищи, очень плохой. Не советую смотреть его вам, да еще и второй раз!

Вдруг к Вонккой кабине подбежал пассажир — раскрасневшийся толстячок с бородавками и с газеткой — и закричал:

— Что вы позволяете в искусстве, молодой человек! Каков вы имеете право сдавать фильмы!

Вонка, не обижаясь, посмотрел на него в зеркальце и сказал в микрофон:

— Это, наверное, директор «Октября», товариши! Ему надо падан выполнять! Вонка как в воду глядел. Точно, это был как на грех директор.

Автобусе засмеялись, и кто-то сказал:

— Правильно он говорит, плохой фильм!

— Ну, — сказал Копыто, — подержись!

Толстячок совсем покраснел, на остановке выскочил, вышел на асфальт перед машиной, вытищил карманы и записал на газете номер автобуса. А потом погоризняк Вонке своей газеткой:

Черевор Вонку вызвал начальник авторемарка Селезнев. Увидел его. Голова вымылась из-за своей баррикады — широкого и длинного стола, крытого зеленым сукном, и громко расхохотался. Вонку это задело. Что за манера хохотать ни с того ни сего?

Потом Селезнев захлопнул свой огромный щербатый рот, вытер слезы и сказал:

— А может, ты лучше в критики пойдешь? Мы тебе и характеристику твою выдали — имею в виду, притягательный стаж по избранный специальности!

И снова хохотал.

Вонка разоделился и уже хотел повернуться, чтобы уйти, треснуть дверью,

но Селезнев похлопал его по плечу и сказал:

— Вообще-то ты прав! Мне эта картина тоже не того, не понравилась. Как же, «Осторожно, дедушка» или как?

Было время подумать, Вонка.

Селезнев снова засмеялся, но почему-то быстро остановился и сказал:

— Так что я с твоей оценкой согласен, только не положено это, брат.

— Что не положено?

— Да фильмам в autobuse критиковать не положено, вот и все.

— Где же логика? — спросил Вонка. — Фильм вам не нравится, а критиковать его нельзя.

— Логика? — удивился Селезнев. — При чем тут логика? Не положено, да и все. Чего ты споришь?

Вонка, конечно, понимал, что водителя во время работы нельзя критиковать фильмами, — спросил Вонка, засмеявшись. — Вот по сторонам смотреть нельзя, а кино ругать — можно!

Селезнев снова усесал за свою баррикаду и включил вентилятор. Потом выключил. Потом снова включил. Посмотрел на Вонку и умылся. Не такой, оказывается, большой уж и рот у него. А что зубы повыпадали, так они у любого к старости выпадают.

— Ну, ну, — сказал Селезнев мирно, — вали, дуй! Критикуй!

Он снова включил вентилятор.

— А я не сама ли я в сфере неизъясним и мимесе своих высказываний?

Изнутри его бомбили помидоры из потрощих передний рул. Тот качался.

Вот черт! — сказал Селезнев. — Выпадет! Ну ладно, или, или, Володя. Это я так. Не положено все-таки.

Он снова потрогал зуб.

— Нет, выпадет!

После этого разговора Вонка стал почему-то относиться к Селезневу с сочувствием. Как к безбузыму старикану, который только капну ест. И хотя на собраниях Селезнев по-прежнему говорил суровые речи и в лицо его помады на подбородке, Вонка знал, что на него уже без прежнего почтения, словно знал кто-то самолюбивый таинственный.

Вонка снова вытищил «станцию», закурил и посмотрел на часы. Было пол-четвертого. Скорее сменился конец. Вот какая «станция» оказалась. На целую смену хватило!

Вонка катил себя по цвистам улицам, умылся как сам себе, обвязал остановки да изредка поглядывал в зеркальце: что за пассажиры едут. Вонка любил разглядывать пассажиров.

Подозревая к остановке, он всегда смотрел, что за народ едет автобуса. Потом он разглядывал людей в зеркальце: как ведут они себя, не замечая, что на них кто-то смотрит. Многих пассажиров он знал и лицо. Особенно, конечно же, дядек.

У медицинского института всегда садились нарядные студентки в коротеньких юбках, с кожаными пальцами в руках. Сни же всегда чмокалась и, когда Вонка лиху тормозил, молча ему улыбалась, видно, ценила его ликость.

Вонка из механического завода Вонка нарочно стояла подольше, подождя, не выходит ли вдруг Люси с коммутатором. Он познакомился с ней случайно на танцах, узнал, что она работает здесь, и раза два называл ее из Центральной пасынки. Правда, Люси на широке не смотрела и даже и не знала, что в ее ее он. Вонка.

Вот тот случай, подозревая к заводу, Вонка внимательно посмотрел, нет ли Люси. Ее не было. Вонка рассеянно глядел в зеркальце на пассажиров, думая о Люси. Народу было много, они заполнили все свободные места, держались за никелированные поручни. Переводя взгляд с одного лица на другое, Вонка вдруг обмер.

Вот тут штука Кости Копыто! Знакомые довольно часто садились в Вонки автобус, и ничего особенного в этом не было. Но Копыто! Собственно, фамилия его была Белокопыт, а Копыто — это прозвище, которое прилипало к нему еще с тех пор, как он, старый дворец, юродивым щелкал дверьми.

Кости Копыто был стариком всех мальчишек на дворе, отчаянно играл в чину и всех папаш с облатками в два счета. Классе восьмом си броска школу и куда-то исчез. Через год он снова появились во дворе, вымытую карманы у мальчишек, выбрг всю мелочь и сказал, показав золотую фикску:

— Кто пишет, приношу!

Мальчишки не звали, что такое «пишьши», но позывали с Копытом лучше не ссызаться.

Скорее Копыто стал единственный монархом во дворе да и на весь участок. Вонка был свидетелем того что на дне и Кости заставили это курить. Потом он поднял Вонка свою спущенную биту, и Вонка стал чемпионом двора по чине.

Потом... Потом Копыто учил Вонку «шпарить». Для начала сии садились в автобусы, и Копыто ловил алюминий по чужим карманам. Вонка должен был смотреть, как это делается. После автобусов, во дворе за полениней, Копыто заставлял Вонку двумя пальцами, сложенными вместе, вынимать из кармана десятку.

Потом Копыто вызывал Вонку «на работу». Сам он стоял в стороне, а Вонка должен был вытирать концепки.

Но однажды Вонка сунул руку в карман какому-то мужчине, автобус грохнуло, и он ткнулся ткнулся в бок. Тот удивленно посмотрел на мальчишку и спросил:

— Ты что толкаешься, мальчик?

На первую же остановке Вонка, как сумасшедший, выскочил из автобуса и бросился домой.

Вечером у сарая Копыто бил Вонку за трусость. Вонке повезло. Для через два после этого Копыто поймал в автобусе и судили.

Вонка окончил семилетку, потом учился в школе шифров, работал на самоводе, переворачивалась, повышила классность и вот уже пять лет на автобусе.

А он как сыр?

Вонка снова посмотрел на Копыто. Тот был в сером костюме, при галстуке, в белоснежной сорочке с запонками. Запонки Вонка увидел потому, что Белокопыт одной рукой держалась за перхий кронштейн.

«Столько же лет, столько зим! — подумал Вонка. — Наверное, Копыто уже не тот, кто не «шпарит», вот какой интеллигентный! Наверное, после тюремы одумался».

Вонка влез автобус, поглядывая в зеркальце. Он специально повернулся, чтобы удобнее было смотреть на Белокопытова. Тот беззубично поглядывал в

Рисунок Александра МЕНШИКОВА

ТОМНИК ПАУСТОВСКОГО

окно, провожая глазами прохожих, время от времени поправляя свою белоснежную манжету.

И вдруг Вовка заметил, что Копыто что-то шевелит второй рукой, опущенной вниз. Рядом с ним показалась женщина в ярком, цветастом платье. В руке она держала сумку.

«Вот оно что! — подумал Вовка. — Свадьба, под интеллигентом работает? Никто в автобусе не видел, что выдали белокопытов, народу было много, все тесно!.. Но Вовка видел все через свое зеркальце.

Потом он увидел и выход. Тетка смотрела в окно. Чисто сработал Копыто! Свадьба состоялась... — и притом. Инци-сцену потом.

А оставшаяся приблизилась. «Окстяра». Опять этот «Окстяра»! Тут у Вонки было все неприятности.

Она снова глухнула в зеркальце. Копыто смотрел ему прямо в глаза. Он увидел Вонку. Он узнал ее. Копыто посмотрел Вонку прямо в глаза и подмигнул. Привет, моя! И будь здоров! Но кашаль и давай-ка тормоз, моя остановка!

«Сейчас», — подумал Вовка, словно отвечая ему. — Сию минуту! Уже пора было сказать, что в «Окстяре» идет сегодня отличный фильм с участием знаменитой актрисы, которую надо всем посмотреть, а Вовка молчал, глядя на зеркальце и приблизившуюся к нему инци-сцену.

В зеркальце он увидел, как Копыто отвернулся от него, перевел взгляд на дверцу, приготовился выйти, и тут Вонка, уже будто торноза, снова вымыла спленение из третьего.

Автобус промчался мимо остановки, и те, кто стоял на тротуаре, удивленно посмотрели ему вслед. Копыто снова повернулся к зеркальце. Глаза у него были серые, костюмчик был заказан с умслом, в том числе. Серые его глаза смотрели суко и зло. Он уже все понял. На следующей остановке, в гастроно-ме, Вонка еще не скрасила скорости. Слади застучали. Он глянул в зеркальце — пассажиром был один из самых всех теток в цветастом платье. «Надо им что-то сказать», — подумал Вовка. Но чтобы Вонка взяла микрофон. «Действительно, сказать что-то надо. А вам, мамы, торопитесь-ка как раз и не следите!»

Он дунул в микрофон, придерживая второй рукой баранки, и сказал охрипшим от волнения голосом:

— Следуйте, граждане! Среди нас вор. Един в милиции!

Все мгновенно утихли. И стали оглядываться. Вовка видел в зеркальце, как люди подозрительно глядят друг на друга. «Каждый подозревает другого», — подумала Вонка. Но ведь не скажешь же им, что этот вор. Копытнику технику он не знает и зря же в него курусы проходил.

Впереди, возле бровки, Вонка увидела милиционерскую мотоцикл и сержанта рядом с ним. Сержант куркал сигаретку, видно, отдался. Вонка торопузом влезла на гаишника.

— Товарищ сержант! — крикнула она. — Что делать, карманника прихватили?

— Какого карманника! — удивился сержант. Видно, это было не по его чистому.

— Обыкновенного, — ответил Вовка.

Сержант сунул в фуражку на лоб, покрест затылок.

— А ты чо? — сказала он, включая зажигалку. — Дуй в отделение, я за тобой.

Отдала сержанту курочку, еще пару остановок. Вонка вымыла следы.

Сзади затарахтел мотоцикл.

«Копыто. Копыто...» — переключала скорость. — Что же ты, паразит такой? Син опять вспомнила Бороду, и как-то некоторо, тошнило. «Ах, гадость...» — произнесла Вонка. — Ах, какой гадость. Мысли о рожебородом. Саможданье славно подхалимствует его. «Гадость, гадость!» — передразнивал он себя. — А ты что, сам-то чё ты чё стоишь, коли все это видишь и молчишь!» Он снова взглянула в зеркальце, взглянула с остервенением и злыницей на побледневшую лицо белокопытова, словно там, за его спиной, стояла еще и Саша-механик.

— Пражданка! — позвала он в микрофон. — Вы, гражданин, в яром плаче!

Вонка сумочкой свою посмотрела.

Вонка не стала глядеть дальше в зеркальце. Он прибрал глазу. И так с ли- нию сопел, столько времени потратил да и у людей отнял. Сквозь приоткрытое окно за спиной он увидел яркий, яркий, яркий крик. «Сложатся лихаки-тихаки-тихаки...»

Потом автобус въехал во двор милиции. Тотчас вслед за ним влетел мотоцикл. Вонка подождала, пока сержант подойдет к автобусу, и открыла заднюю дверцу.

И никто не выходил из нее. Автобус стало тихо.

Вонка обождала минутку и сказала негромко:

— Ну, проходи, Копыто, и вь... — он не удержалась, кинув тетку в цветастом... жертву!

— Триста рублей было! — вспыхнула женщина. — Триста, представьте!

Вскликнула она лезя к выходу. Копыто чуть шевельнулся и, бледный, медленно стал пробираться вслед за ней. Тетка обрашивалась на него с неподдельным страхом.

— У передней дверцы на полу денег нет? — спросил пассажир Вонка. — Тотчас же там наклонились несколько голов.

— Нет!

— Тогда, товариши, попишите по своим карманам, нет ли у кого лишних трехсот рублей? Не мог, никак не мог Копыто оставить выручку у себя.

Пассажиры запоротились, удивленные погадливой на Вонку, и вдруг какой-то пожилой мужчина вытащил из кармана скрученные в комок деньги. От чего-то неизвестного межка и оторвалась от стороны.

— Это не я! — проговорил он дрожащим голосом. Лицо у него бледнело.

— Не я! — подтвердила Вонка. — Не болтайтесь. Вот этот вам подкинули. Копыто прошел мимо него, посмотрев каким-то диким взглядом. Будто ходил, как тогда, во дворе: «Прышь».

— Дежурному капитану Вонка пообещал прокрахать ровно через полчаса.

— У меня там пассажиры, — сказала он. — Седарта!

Капитан кинула, и Вонка помчалась по лесенкам вниз.

В кабине он поднял с полу упавшую «главану», закурил и подмигнул Фине-дею. Кастро тоже нравилась его сигара, и он улыбнулся Вонке.

Ни одна баржа стоит в дальнем углу бухты, у шестого причала. Напротив, у морского вокзала, только что отшвартовалася теплоход. Над его белоснежным, со зрезом трубой — рыбаки марево горячего воздуха: теплоход словно бы смывал из воды, и вода, вспениваясь, брызнула в стороны быстрого бега. Гомона то что-то говорило, по широкому трапу в город сходят разноцветные, шумные иностранцы.

Ничего субботы. Разделавшись с большой плащевкой, мы легли с Кокониной на отдаренной плащевке, маем под горячим солнцем. Коконина — старинные баржи, но белые. Я долго гляжу на теплоход, потом осторожно спрашиваю:

— Савельи Нильчик, а в этой, в Италии, вы были?

Он немедленно поворачивает ко мне распаренное жарой лицо и, шевелянув хмурыми бровями, басит:

— Трубку из канифоли. Потуже набей и запаль.

Я тут же вытащил трубку. Она кладет тяжелый подбородок на кулачки, смотрит на теплоход. Сияя, пахучая, блестящая, она смотрит на коричневым кремлем затылком Коконину. Жара стоит невыносимая, холода бросаются в воду, но на берег идет лень, а с борта Коконина купаются запертые в купальники девушки, одетые также на породичных кораблях. Матросы с других судов издаются над ними. С Петью, мучениками, появившимися под «Коконину лашу». Но это они зря, конечно: Коконина — старый моряк, плавает больше сорока лет, а это что-нибудь неизбывное!

Петья Зайцева у нас рулемы на барже, он живет в этом порту, где мы сейчас находимся. Коконина же, если не прибрежи на канифоли, то на берег идет лень, а с борта Коконина купаются запертые в купальники девушки, одетые также на породичных кораблях. Матросы с других судов издаются над ними. С Петью, мучениками, появившимися под «Коконину лашу». Но это они зря, конечно: Коконина — старый моряк, плавает больше сорока лет, а это что-нибудь неизбывное!

Петья Зайцева у нас рулемы на барже, он живет в этом порту, где мы сейчас находимся. Коконина же, если не прибрежи на канифоли...

У тебя есть канифоль? — спрашивает он. — Ты ее наклеяешь на моряка, чтобы не скользил, — говорит он нахмурясь. — Ах, это наклеяешь на корабль, чтобы не скользил. А сам вечером номер белой освещки, чтобы до погрузки цемента прополоскать.

Когда я гляжу на эту его тетуровку, то всякий раз думаю о том, что она больше чем старое масло, что уже в те далекие годы Коконина колесил по морям, скользил на нем. Да, думаю, наш хмурый старик повидел кое-что на своем веку, да и болел он.

— Понял, — сказала Нильчик, — с тоской говорю я и всем нутром чую, что сейчас он уже подумывает о том, как сойдет вечером на берег, и уже мысленно выбирает, куда «кинуть» холода.

Мне не хочется оставаться одному на барже, не хочется, чтобы Коконина нападал вечером, и я жалею, что в Новороссийске нам didn't лишь послезавтра, а не сегодня. Для него семейство, и там он ложится в дрейф по части вынужки.

— А ты разве вечером не будешь на корабле? — затянувшись спиралью я. — Скорее суббота! — Коконина хихикает. — Знаешь, невидало сойдь. Дела кайсано есть!

— И дадут говорят, хмуро покосившись на меня: — А, я, сини за плечом к Ефросинии Ивановне. Спасибо в гостях все. Как в тропинках жарят.

— Деньги в китель, в левом кармане. Поддожники «Жигуевского». Скажешь: я проска. Из холодильника пусты вынет. Плона?

Дважды Коконина никогда не повторял своего признания. Накиро одевшись, и мычусь на набережную. Здесь людно и празднично. Курортный город — здесь всегда праздник. У газировочных автоматах — нарядные очереди на гравийной набережной, полураскрытыми курортников. Заливаются на разные голоса трансвеститы.

А вот и она! Я остановилась у книжного лотка, разглядывая называнные книги, проглядывая теплые переплеты, исподобила склону для проливания чай. По белому ее бедроуклонному платью тутом склонят ржаная коса. Каждый раз, когда навара баржа заходит в этот порт, я покулю книги облизываться у нее. И всегда она посмотрывает на меня с ласковой какой-то насыщенностью. Но мы до сих пор не знаемся, хотя притягиваю друг друга давно.

— Что же, так ничего и не выбрали на этот раз? — говорит она с умешкой.

— Девушка, — говорю я, — я не могу. Я не могу. Я не могу. Я не могу. Я не могу.

Девушка, — говорю я, — я не могу. Я не могу. Я не могу. Я не могу. Я не могу.

— «Джурдану» капитану Вонка пообещал прокрахать ровно через полчаса.

— У меня там пассажиры, — сказала он. — Седарта!

Капитан кинула, и Вонка помчалась по лесенкам вниз.

В кабине он поднял с полу упавшую «главану», закурил и подмигнул Фине-дею. Кастро тоже нравилась его сигара, и он улыбнулся Вонке.

— «Джурдану» будешь — холода, думаю и притом. Или куплю я ей Коконину деньги.

— Пусть что хочет с моей делает. В первую полуклучу верну... —

— У вас хороший вкус! — мило улыбается коса. — Заходите погаше.

— Спасибо. Но скоро опять в море — некогда.

— О, мы моряки! А с какого ты теплохода?

— Я все обмылся потом, в другой раз, — ленчев я, чувствуя, как жаром опалает щеки.

Следующий плаванье! Заходил же.

Я возвращалась баржу с единственной бутылкой пива, купленной на остановке для водителей. Голоса певчих за пазухой. Твердо решено умалчать о книге, потому что Кокосха не призывает никакой литературы, кроме судового журнала...

Но баке поблескивают надрывные ботинки, висят праздничный китель. «Уже притоговился» — думают я с раздражением. Кокосха бреется в кюте. Увидел меня, протягивает в дверь руку, и я сую ему бутылку пива. Осушив ее, он тянется руку за следующей.

— Деньги? — спросил он, намыливаясь.

Нету болше, Савелий Нильич. — Не помни себя, я вытаскиваю из-за плахки томик. — Вот книга, читать можно. И прореже есть...

— Что?! — Он машинально перед моим носом, все еще не веря мне. — Пиво где, спрашиваю?

— Верну вам деньги, Савелий Нильич. Со следующей полукли верну.

И я сам не знаю, как все вышло. Кутия вот...

— Деньги! — гремит он. — Плевал я на твои деньги! Тебя зачем посыпало?

Если уж так, бегаю сейчас за пивом... Я боксы, как бы не заплакать от досады. Кокосха это не поймет до гроба.

— Деньги где возьмешь? — издаётся он.

— Сбегаю на базар. У меня есть новые брюки...

— А ну, из газли хоть на эту бумажкино! — Морщаась, Кокосша берет книгу, перстит в руках, затем сует мне. — А у чегони буде про море, пока бросяс...

Я дрожу от восторга. Такого еще не случалось... Ну, черт возьми, я же сижу на борту большого бомбрана! Я знаю, что тебе прочитать.

Уже не так думают, конечно, и вода за бортом начинает густеть. Над бухтом плавает мачта, на которой висит флаг Кокосхи. Кокосха бреется, его мозолистые пальцы отбивают в такт мелодии.

«Лицство аквариум и морем шумело одесское лето, голадное и веселое лето 1921 года». Я читало выразительно, с чувством и искоса наблюдало за мной. Ага! Вот он перестает добирать полулутик, садится, набрасывает трубку, дымит, словно спасательный браслет. Я тоже ему про то, как видавший виды бомбран Миронов брал в руки моряка. Гости из республики, сообщая по памяти сведения о почти всех русских пароходах, ушедших за границу. Про то, как Миронов, обладая фантастической памятью и фантастическим знанием флотского дела, три дня подряд, дирижировав в реалиях «Моряка» список судов русского флота, называл их новые имена, фамилии капитанов, рейсы, состояние кораблей, стоянки, состав команды, грузы... Я читал Кокосха о том, как Миронов изволил всю морскую Одессу, как о нем стали создавать легенды и как теснота в Херсоне, откуда он был родом. Я читало рассказ Патрушеву «Сам бомбран Миронов».

Кажется, Кокосха встроился в общий «мажка-глаз» и вовсе забыл о береге. Добириншись, он сумело сморкаться в синий огромный платок, берет у меня книгу и, поплынив ее, ширвает на стол.

— Бреши! — И, не сказав больше ни слова, идет на бак одеваться.

Потом я провожаю его до склада, буряло взглядом широченным спущивающим спину.

— Почему же бреши, Савелий Нильич?

Склад же на реке остановился, ухо востро держи. Да не забудь моряк бороду отщечь... — Он поправляет мичмана, косится — Бреши! Все ваши книжки — бреши! Никакой Миронова-бомбрана не было. Понял?

Возвращается он во втором часу ночи. Драго стоит у склада, точно соображает, хватит ли сна одолеть ее, покакивает, потом, кряхтя, поднимается на борт. Я помогаю ему добраться до канты и тороплюсь...

— Погоди, — бурчит он, стягивая китель. — Ты вот что, Васек. Завтра Христофор Аверьянович покажется ко мне, утром встрет ско с всеми постыдами. Потом я буду сидеть на скамье, эта скамья будет часть для тебя. А утром слетай к Ефросине Иванне, должна же «Жигулевского» выпить из ходоходицами. Скажи, я просил. Деньги вот, держи. Толкаю пиво, а в книжек понял?

Я молчу. Чуть сашинко плещется за борт волны, сини от портного миталки сплюхивает в иллюминаторе через ровные промежутки времени, словно подчиняется.

— Обиделся! — говорит Кокосха. — За своего Миронова обиделся? Не было никакого Миронова, я тебе говорю. Вот завтра придет Христофор Аверьянович. Он подошел к складе, и сразу стало видно, что самому я на борт не подойду. Ему он низок ростом, цепка, полотнистый юбель висел на нем, как на колу. Ему было, наверно, не меньше восемьдесят лет, щеки и шея походили на растрескавшуюся от засухи землю.

— Гастеря, сменяю-то мастеры! — звонко смеется он, и покаж нам руки побудим вспомнить, яхти, ты! Ну, ведь меня, Савелий, на свою красавицу.

С утра же приказывал Кокосха на пинту на баке тент, и теперь они садятся на скамью, чтобы поговорить о своих делах. Впрочем, я замечу: великий бомбран почти совсем не пьет, лишь время от времени приговаривает к Кокосха и колдует вовсю.

— Ну-ка, юнга, неси сюда свою книгу, — спустя некоторое время требует Христофор Аверьянович. — Читай про Миронова.

— Складно читай, как вчера, — приказывает Кокосха.

Я сажусь на скамь и, волнивая, сложно нахожусь в ответе и за любимого спасителя Паустовского и за бомбрана Миронова, читая. Голос мой слегка дрожит, я чувствую. Старые моряки не горорись, потягивают пиво.

Вокруг пурпурный пляж за молом кипит разноцветием купальщиков kostyom. Христофор Аверьянович сидит не шевелиться, отставив стакан с пивом, глазает на меня с присущим. Кокосха тоже замер. Я чувствую на себе их взгляды,

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

и мне хочется, чтобы у рассказа не было никогда конца. Но он неумолимо приближается. Я читало последнюю строку и замываю, точно жду себе привода.

— Бреши! — как и вчера, говорит Кокосха. — Все книжки — бреши! — Но в его голосе за упрямством я угадываю скрытую зависть к бомбрану Миронову и почему-то радуюсь этому.

— Ты, Савек, погоди, — останавливает его Христофор Аверьянович. — Тебе скока в море, я тебе скока в море.

— Салажонком ты тогда еще бегал, Савек, вот что. А я уж в бомбранах ходил. Помолчи! — Христофор Аверьянович берет у меня книгу, сжало-блестит — Был такой случай, помню. Токо, сдается мне, не Мироновым бомбраном того звал.

— Я же и говорю: бреши! — оживляется Кокосха.

— А может, и Мироновым, — говорит задумчиво Христофор Аверьянович. — Запомнишь. Сколько воды-то утекло. А случай был — это точно. Я ж тогда на «Капитошником» сидела. Так что, Савек, зря ты упираешься. Писатель-то, Пауэлльский — или человек, из морских. Тут и слепому видать. Был, был случай такой — помню.

— Факт, бы! — выкрикиваю я Кокоске. Мне хочется обнять в эту минуту, расцеловать великого бомбрана Христофора Аверьяновича.

Но Кокосха косит на меня злым взглядом.

— Марш на корум! Помоги Петяк штуртрос наладить!

Я ухожу, но не обижаясь. Я помню: Кокосха беловодо перед мой потом — Христофор Аверьянович говорит с ним — страшно подумать! — как с самолюбием, как с гордостью. Савек и, кажется, если сажа заходит, может запросто спасти за пивом на выброске. Боги шлют.

Я иду на корум помочь Петяку наладить штуртрос.

— К вечеру, когда великий бомбран Христофор Аверьянович покинул нашу баржу, Кокосха подходит ко мне. Хмурясь, как бы между прочем, говорит

— Ты же, Васек, ты принес-ка мне в какую эту книженицию. Глазу каки-нибудь. От чего делать... Поня?

— Поня, Савелий Нильич! — отвечаю я, стараясь улыбнуться, и чувствую, что вот-вот сорвусь с места от светлого какого-то нетерпения, не удержусь. — Сейчас же и принесу, Савелий Нильич. Мигом!

«Здравствуй, племя юные, неизвестное!» — эти воскликнул Пушкин. Древо русской литературы, мощное дрезе братских литератур Страны Советов корнями своими уходит в почву жизни жили, откуда и приток молодых сил и традиционной преемственности поколений писателей, ибо галант не рождается на голове, а мастерство не приходит само по себе.

Новый галант, попавший в форму японии того мастера, которому не было и года, давно уже с юных лет, болникою воображение, «толкают» его к книжке. И мастер, читая далеко не совершенную, но явно самобытную рукопись ученика своего, с всплеском обнаруживает: после него останутся не только книжи, после него будет новый писатель, унаследовавший от своего учителя жизнеутверждающую позицию, веру в неизменные силы своего народа, перенесенные языка и материала, который дает нам сама жизнь...

Появился богатейший писательский почтоб, излученный первыми книгами, отредактированными мастерами литературы, знакомясь с материалами соединяющими молодых писателей, проходившими в год юбилея ВЛКСМ в Краснодаре. Составленный «Смешной реалист», на своих страницах литераторы чех, своеобразную мастерскую, в которой будут набираться опыта молодые литераторы, выращивающие вымысливательски и кровно заинтересованными в успешном литературном деле писатели.

Более того, мастера на страницах нашей мастерской предоставят возможность и всем читателям и ученикам стать полноправными с помощью семинаров и мастер-классов.

Сейчас устроена рядом со столями учеников... Вот когда можно проследить особенности языка, то направление, в котором развиваются новые писатели... Константина Яховеева Ваншенкин давно знает Дионисий Косториня, дававший пылью вымысливателью. Литературную премию имени А. М. Горького он привезши к первой книжке. «Все люблют Ваншенкина, потому что стиль Косторина привнесший в его действительность молодостью горю гозрасти, когда пир в честном переходе в чистое истинные, с остоющейся, однако, совершенно необходимой для поэзии нашеинство». Определив таким образом именничий момент в разливе одаренного поэта, К. Ваншенкин изощрочно определяет: «Изумительный и даром ему молодой...». «Изумительный молодой чехословак» — говорит о ребятках нашего юношеского поколения. «Легкий в земле ребята — ровесники моих». Косторин лирик, стихи его мелодичны, не случайно некоторые положения на музыку...»

Константина Ваншенкин — это чистый мир в нашей современной поэзии. Это истинная гражданская ответственность, высокоспособная любовь к сердцем, чужим и своим, полна прозрачных слов, обволакивающих «секундников» восприятия мира. И Косторин этому научился у Константина Яховеева так же, как и Сергей Минаевакин, начавший писать стихи в архии и сумевший уже разнять лучшие стороны своего дарования, опираясь на мир своего учителя и чувствующий себя в этом мире, как в родительском доме. Свидетельство тому — первая книга молодого поэта «Вескоролье», недавно вышедшая в свет...

Итак, новая рубрика «Смены» — «Мастерская».

Молодость

Сияя глазами, стояли
У самой воды,
Не зная малейшей печали,
Не то что беды.

Почти незнакомые с темью,
Лишь сопли им друг.
И двигались яланко растенья
Худых этих рук.

Под чмаком задумчивым взглядом,
Что не был к ним строг,
Как в роще, росли они рядом —
Стволы этих ног.

Всему свой срок. Лишь только нужно
выходить.
Дымок на дальнем поле одинок.
Повсюду тишина и неподвижность.
Не день стоит в окружье, а денек.

Традиционен трав осенних широк.
Пуст косогор, осинник зловон.
Лиши в проводах, повисших на
опорах,
Неслышный гул несметных киповат.

Ночной дождь

То начинает на месте плясать
Долго, без мери,
То потихоньку уходит опять
В мокрые скверы.

То приносится к самой стене,
В окна устремя.
То он уже на другой стороне,
Скорбы на занависть.

Как он беспечно бредет поперец
Улицы снов.
Хоть бы немного себя поберег,
Честное слово!

Приятная погода
Всем радовала взор.
Туристы с парохода
Пошли смотреть собор,
Что строен в честь Успенья
Тому три сотни лет.

А я рассыпал пения
Чуть уловимый след.

Я слушал первым кудыни.
Как будто был мы брат,
Как в доме двузадуманном.
Протяжно пели в лад.

В вечерний час, в мюле,
В заинские леса,

Оставалось до поезда мало.
Подгоняя, стучали часы.
Встал я. Солнце еще не вставало.
Луг был мятовый весь от росы.

Я в себя приходил постепенно
И, пока пересек этот дол,
Стали ноги мокры по колено,
Словно речку я вброд перешел.

Уезжал по величко днага.
В раннем небе стояла звезда.
Удивило, оказалось, надало,
Оказалось, почти навсегда.

Мимо садика, мимо болотца,
С чемоданчиком легким в руке,
А когда осознал, что придется
Это все вспоминать вдальке,

Оглянулся правой перелески —
И, как будто на чистом снегу,
Цепь следов моих четко и резко
Выделялась на росном лугу.

Склад «ВМ»

Под охраной, в мутной полутипе,
Открытое буднично, утило,
Но себе, должно быть, на уме,
Слит взрывчатка, тут потоки мыло.

Впрочем, что такое эти сны!
Это сны без грома и без молний.
Я давленный не встречал безмолний,
Безупречной этой тишины.

Сказъя буянишки трескунчи мешок,
Не пугая, вытекла открыто
Тонянней струйкой ванмонта
Цветом, как яичный порошок.

Спят взрывчатка... Бревна в три наката.
За ракой черемуховый чад.
Но страшней полночного набета
Капюля-взрывчатки молчат.

Пение

Зайдась, мотя танули
Те бабы голоса.

И вслед за ними перли
В налоки осы
До раздранки в горле
Охрипение басы.

...Расплактиче она.
Речной туман вдали.
Разрозненные копы,.
Что к берегу свезли.

Росистые тропы.
Целиненный покой.
И свадьба ли, поминки
В том доме над рекой.

К. Я. Ваншенкин с молодыми поэтами С. Мнацаканяном и Д. Костюриным.

Сергей МНАЦАКАНЯН

Димитрий КОСТЮРИН

Не стало вдруг
Ни поля
И ни сада.
Все обернулось
Небом нын землей
Содрогаясь,
Содрогаясь
И листопада,
Тонышегося
Завтрашней грозой.

И так шуршат от ветра
Стебли хлеба,

И так шумят от зноя
Новыши,
Что не спасают крыши
От неба,
Как не спасает гравий
От земли.

И мы опять
Мехи небом и землею,
И мы опять
Ни небо,
Ни земля,—

Она зовется исстари
Сиром,
Оно взлетело,
Искрами пыла.
А мы стоим с тобою
Посредине
И чувствуем,
Что нам дано,
А рядом
Вырвалось тихо
Иней
И падает
Колючее зерно.

Поезда

На вокзалах
Иль перронах узинах,
Уезжая
В дальние края,
Здесь
Всегда прощаются
Пассажиры
Боль свою
В улыбке затая.
И звучит гитара
Для парада,
Кто-то плачет,
Кто-то в стороне
Говорят о новом
Благодаря
И в вагончик
Мается онне.

Поездам
Все это
Надоели...
Рельсы в звездной
Дымчатой
Пыли,
Тишины
Разорванное тело
Ночь вращает
От гудка
Вдалек.

Сколько раз,
Кляня свою усталость,
Сплели они
И плач
И смех,

И уйти подальше нам
Мечталось
От чужих ненастий
И утех.
Вновь приказ —
И иновы
Сирой росою
Напролет,
Навылет,
Вдалек
Насквозь...
Но в депо им скучно
От покоя,
Поездам,
Живущим на износ.

Баллада о моем коне

Петрон очнулся, дремлющий
в стволе,
Петит лихая конинка во мгле.

Скрипят песен, жара горит огнем,
И кто-то скакет на коне моем.

На твым, необъяснимом коне,
Чт мог бы пригодиться
только мне.

И я был должен слиться
только с ним,

Его теплом и верностью храмам.

Гремят копыта, пуль
протягии свист,
Сорвавшись, облегает
желтый лист.

И кто-то, охнув, падает с коня,
Его строптивость жаждую хлыни.

Скрипят песен, жара горит огнем...
Вновь кто-то скакет на коне моем.

А в соседней квартире живет
человек одинокий и резкий,—
он одинакды к окну подойдет,
и раздвинет впотыхах занавески,

и уедет в конце сентября
по таежным объектам мотаться,
где таежная нишин заря
над бетоном заскеченных станций

Я настолтугу лампу включу,
в незаконченном стекловареньи
как-то раз поутру размыт
принесу дамы и троли олены...
И поймем, загрустивши всерьез,
что мы были и порознь и в целом,
несмотря на снега и мороз,
человеческими заняты делом...

Он появится ранней весной
из поездки своей специальной,
весь металлический, небритый, лесной
и немножечко провинциальный...

Он приедет, он синнет пыны,
берет чемоданы и сетки
и ко мне поступится, и мы
перекупим на лестничной клетке.

И поймем, загрустивши всерьез,
что мы были и порознь и в целом,
несмотря на снега и мороз,
человеческими заняты делом...

Одному тебе не остаться
и, заснувши беды, как воды,
с тайной горелкой здруг
признаться,
что не все уже впереди,

что все меньше манят чужое,
что изведя тоску и честь —
и уже за твоей душою
неподдельное что-то есть...

Под переплеск весны
и птичьи трели,
безусы и грустны,
с сондами пели...

О войнах на земле,
отцовских ранах,
о городах в золе,
о мертвых храмах,

Еще о тышине,
тишиной самой,
а кто-то и же, и же,
а кто — о даме.

Закутавшись в туман,
леса стояли —
стоговы, как орган
в концертном зале!

А здесь прошил бон,
здесь воят «зыны»,
и до сих пор больны
бедой могиль...

Но службе — первый год,
и неизвестны
следы слепых невзгод...
Известны песни!

И западный март
что было смыс
зинак в слова ребят
по всему России.

И вторника земля:
на четверть века,
кого-то, верно, эля,
ревело эло...

И пели о войне,
что выбор
сделан,
солдаты по весне
над миром целим!

Владимир ЗАХАРОВ, Владимир ЧЕИШВИЛИ [фото]

право

Харьковские студенты будут строить первый в нашей стране сверхзвуковой гоночный автомобиль

Возьмет ли автомобиль звуковой барьер? В наши дни такой вопрос не зайдет у специалистов этого направления на раздумье. И не зря, традиционно с того момента, когда американец Крэг Бриджес на своем «сухопутном самолете» поднял рекордный потолок до внушительной величины — 1964,554 километра в час, — были заполнены кропотливой и напряженной работой. Ведущие гонщики мира готовились к самым ответственным стартам.

Прогнозы, сделанные предположения, смельчаки додадут, все эти годы на страницах печати велись. Оживленная дискуссия по поводу ожидаемых результатов и возможных победителей. Но была во всем этом избыток информации однотайная, которую хотели разглядеть не только советские любители спорта: способны ли наши гонщики быть рекордами американцев?

Чтобы получить на этот вопрос обстоятельный

ответ, мне пришлось поехать в Харьков. Почему именно в Харьков? Да потому, что во времена судеб именно этот город стал в нашей стране центром гоночного автомобилестроения.

В Харьковском дворце пионеров ребята учатся строить и испытывать карты. В мастерских харьковского автомотоклуба «Трудовые резервы» свой опыт передают молодежи из различных институтов. А в Харьковском автомобилестроительном институте (ХАДИ) создана единственная в стране лаборатория скоростных автомобилей, которую возглавляет другой рекордсмен мира — Владимир Константинович Никитин.

Лаборатория эта явилась тем средоточием передовой конструкторской мысли, смелых новаторских идей, без которых не может быть технического прогресса в автомобилестроении. В студенческом проектировочно-конструкторском бюро (СПКБ) десятия будущих инженеров учатся своими силами соз-

давать гоночные машины. О результатах их работы можно судить по одному факту: на гоночных машинах «ХАДИ-2», «ХАДИ-3», «ХАДИ-5», «ХАДИ-7» было установлено 32 всесезонных рекорда, из которых 9 превысили международные.

Через лабораторию прошло несколько поколений студентов, прежде чем наступила эпоха знаменитого Евгения Смирнова. В бывальном смысле «школы» западных специалистов.

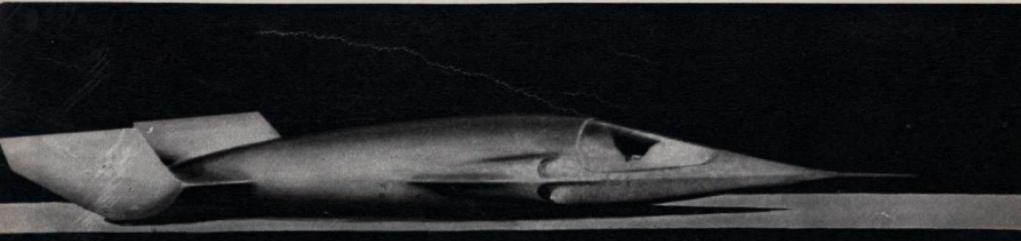
Эту новость послышали передать все ведущие агентства мира. Вот как она выглядела в изложении американского агентства Ассошиэйтед Прес: «Советские автомобильно-дорожные инженеры в Харькове пытаются создать самый быстрый в мире автомобиль». Газета «Правда» Украинского союза сообщает, что институт создает автомобиль, который как на

Модель будущего автомобиля «ХАДИ-9», на которой харьковчане рассчитывают прорвать звуковой барьер.

на
риск

Гоночный автомобиль «ХАДИ-8р»
на испытаниях показал
рекордную скорость.

Известный гонщик и конструктор Владишин Константинос Никитин и его ученики Александра Скирда и студент 5-го курса Владишин Седовик.

предполагает, достигнет скорости звука — 742 мили в час. Автомобиль будет иметь 33 фута в длину. Его газогорючные двигатели будут развивать мощность 5 500 лошадиных сил. Из-за высокой скорости, сказал главный конструктор В. К. Никитин, первые испытания будут контролироваться на расстоянии по радио...

Конечно, спорта есть много, а атмосфера соревнований, ставшая к победе является его движущей силой. Но не стоит при этом забывать, что скорость же несет катастрофу. Арта Аффенса на бонневильской трассе. Пять лет назад, его реактивное «Зеленое чудо» разорвалось на скорости 890 километров в час. Чудом осталася в живых гонщики, мгновенно отбрасывая рекорд у своего извечного соперника Крика Брайдока.

Нет,ственный конструктор и гонщик В. К. Никитин не собирается участвовать в гонках за смертью. В наши дни рождение нового автомобиля — это прежде всего итог творческой мысли

инженера и ученого. АДДИ, в котором учатся пять тысяч студентов, готовят высококвалифицированных специалистов. И каждое начинание студенческого бюро подчинено именно этой цели — подготовке инженеров завтрашнего дня. Ведь и рекордно-гоночные автомобили «ХАДИ-9» будет созданы инженерами АДДИ. Студенты Центрального института инженеров гражданского строительства, Александр Загородов, Владимир Седовик, Анатолий Коряков и Анатолий Пурдица. Их научный руководитель — ректор института Борис Владимирович Решетников — большой знаток и любитель автомобильного спорта. А душой всего дела, необычного и сложного, следует считать Владимира Константиновича Никитина и его помощника Алексея Михайловича Сиряцкого. Двух этих людей связывают не только крепкая мужская дружба, но и полное единство взглядов на выполнение будущих инженеров, безраздельная вера в теоретические возможности студенческого коллектива.

Уверенность эта основана в первую очередь на глубоком знании сил как всего студенческого конструкторского бюро, так и каждого его участника в отдельности. Ставя перед студентами сверхзадачу — постройку рекордного автомобиля, Никитин не заострял внимания своих питом-

«ЛЮБОВЬ — ХЛЕБ МОЛОДОСТИ»

«Смена» № 10, 1970 год.

В десятом номере нашего журнала мы познакомили читателей со статьей Лидии Обуховой «Любовь — хлеб молодости». Статья эта, посвященная вопросам любви и семьи, вызвала целый поток писем наших читателей. Большинство из них разделяют трезвую писательницу, которая пишет о том, что любовь — это не всегда что-то прекрасное и зажигающее, мер, которые помогли бы увеличить размер современной семьи. Многие читатели спорят с представлениями Лидии Обуховой о назначении женщин. Седовик же предоставляет слово и тем, кто «зат», и тем, кто «против».

Важный разговор продолжает- ся...

МАЛЬЧИКОВАТЫЕ ПРОТИВ

Вокруг статьи «Любовь — хлеб молодости» разгорелся целый сыр-бор среди наших девчонок. Было много критики в адрес «мальчиковатых» девчонок, которые, в свою очередь, обозвавали довольно шумный лагерь и яростно атаковали «бабышины».

Женский пол, видно, всегда привносил хлопоты обществу. Вот и сейчас все в трезвоге защищают девушек от бабышины. Но бабышина слишком давно не зашла. Вы бросаете клич, Л. Обухова: женщины, обратно, в семью. По-вашему, получается, что интеллектуальная, начитанная, одержимая своей работой женщина, вся себя отдавшая любимому делу, менее важна для общества, чем матка, хозяйка? Выходит, они должны довести свой семейный очаг до того совершенства, которым так гордились наши прабабушки?

Любая девушка должна стремиться к тому, чтобы стать человеком свободным, самостоятельным, талантливым, понимающим искусство, философию и другие вещи. Этого нельзя достигнуть, сидя в семейной гнездышко, рожая детей, совершенствую из всех сил свою женственность и благословляя другую половину че-

ловечества на великие деяния. Поэтому я выбираю первое.

С уважением

М. Э., восемнадцать лет.
Азнакаево, Татарская ССР.

ВОЗВЫШЕНИЕ ИМЯ МАТЕРИ

Ниц 52 года, в вырастить пятерых детей — и две четырех сыновей. Все они имеют среднее образование, хорошие вышли роды. Отдала я им всю молодость, здоровье, не знаю, что такое жить для себя. Я не работала, да и не брали меня, когда узнавали, сколько у меня детей. И вот старость... Пенсии нет, сыновей забирают в армии, как приходится срок, у остальных детей своя заболя. Жизнь не имеет детей. Все мои сыновья люди, здоровы были, дети счастья не отнимали, скорбят не из-за чего бы. Сейчай у обоих пенсия, квартира хорошая, мало же — позже на курорт, поправлять свою старость на молодость.

И вот, товарищ Обухова, мои дети детей иметь не будут, так как могут сравнить мою жизнь и жизнь моей

сестры. Теперь почет у тех, кто работает, а не детей растят. А это плохо, нельзя было о матери забывать, нужно мать возвращать. Ведь без детей нет семьи, нет настоящего счастья.

А. СЛЫНКО.
Ленинград.

ЖЕНЩИНА — ПЕРПЕТУУМ МОБИЛЕ!

С торжеством эмансипации женщины были уравнены в правах с мужчинами, но равенство в основном склонилось на праве на труд, то есть женщина получила права на равную работу с мужчинами. Стремясь доказать, что она все может делать, не умеет мужчин, она стала ученым, трактористом, инженером, стала ремонтником.

Отработав полномочные восемь часов на производстве, наш «хлебный пол» заслуживает в свою «вторую смену» — стирать, гладить, готовить пищу, убирать квартиру, ухаживать за детьми и мужем. Наконец, короткий сон и новые работы. Конечно, мужчины, несмотря на физическую организацию мужчин, будучи хорошо приспособлены к кратковременным высоким нагрузкам, плохо пере-

авиации. Дело в том, что на них бы скростили ни было солидной конструкции, получив ограниченную скорость — 350—400 километров в час. А у «ХАДИ-9» скостили скорость надо было срезать после прохождения контрольного участка, когда машина шла на пределе. Выпущенные не та-как скостили парашюты в одно мгновение разрывались в клочки, как это было у Арда Арфакса. Но выдержал такой нагрузки и механические тор-моза. Исследователи все зарятали, студенты предложили использовать реверсивные скостилиевые за-крылья. И вот «ХАДИ-6», перешедшая направление реактивного потока, заставил его изменить движе-ние в противоположном направлении.

Автомобили заряжавшиеся будет значительно легче аналогичных американских конструкций (по-рядке трех-ton). Такое скоттишеское преимущество достигается за счет применения стеклопластиковых при изготовлении кузовов. Анатолий Пурдин, который в своем дипломном проекте изучал скоттишескую технику, уверен, что скоттишеские выдержат самые высокие нагрузки. Кстати, по его словам, эта идея возникла не на голом месте, ведь в их институте, впервые в СССР, автомобильное строительство, было создано скоттишескими кузовами автомобилей. А затем был запущен в серийное производство автобус «Старт» по технологии разработанной в СПКБ Харьковского авторемонтного завода. Применение скоттишеского материала в кузове и скоттишеское преимущество — значительное об-легчение всей несущей конструкции. Но это уже область Сергея Шерстобитова. Тема его дипломного проекта — рама машины. Вместе со своим коллегой Дмитрием Сильчановым, который занят изготавливанием кузек этой самой рамы, Сергею предстоит очень сложная и небольшая работа.

«Студент, — говорят несколько лет назад, — не-меньший автодороги!» — это то, что требовалось от студента, и в мастерской над созданием

коллективной конструкции и становился инженером, состоял пятерых, не имеющих таких навыков. А глав-ное, такого энтузиазма, такой любви к делу нель-зя воспитать одним чтением лекций.

Творческая атмосфера в СПКБ подтверждает правильность слов О. К. Антонова: «Всю жизнь бы историю создания такого уникального и перво-введенного в «ХАДИ-9». Здесь — добровольным заскорузлым выступил бы Владимир Догтев, студент третьего курса, один из помощников Ни-китина. Это он привел меня на своеобразную вы-ставку спортивных автомобилей, устроенную в по-мещении лаборатории.

Желтые, белые, зеленые, голубые, низкие, длин-ные, широкие и узкие, будто распластанные на

полу металлические чудовища, выстроились в ряд машины. Среди них — «ХАДИ-9». Но ее стреми-тельный, плавный обходы сразу чувствуют, какой мощный мотор должен быть под обтекате-лем. Владимир сообщает мне: мощность 250 ло-шадиных сил. Винчестер был двигателем от обычной «Победы» — 50 сил.

«ХАДИ-9» с газотурбинным двигателем, при старте с места имела скорость 360 километров в час. Для машин ее класса — это — до 1000 кило-метров в час. Но это машина в час выши-фигурного амбициозного достижения.

Готовится к рекордным заездам «ХАДИ-9», «ХАДИ-3» — самая маленькая в мире рекордно-гоночная машина. Только вот нет среди них «ХА-ДИ-4». В 1967 году машина разбралась и скорела на солнечной трассе озера Баскунчак.

Но вернемся к «ХАДИ-9». Макет ее был почи-сан на ДИХ, и в результате получилось первое творческое выражение — скоттишеская гонко-вая спортивная машина. Сейчас за-кончен ее проектирование, и она будет испыты-ваться на той же самой трассе. Первично нально В. К. Никитин рассчитывает опровергнуть машину на скорости в 900—1000 километров в час. И только затем пойти на преодоление звукового рубежа.

Для достижения рекордных скоростей автомо-били должны не побираться смаэровыми реа-тивными или ракетными двигателями (на американских машинах суммарная мощность двигателевых уста-новок равнялась 17—20 тысячам лошадиных сил). Двигателем «ХАДИ-9» является обычная газовая турбина мощностью 5500 лошадиных сил без привода на колеса. Автомобиль будет двигаться по земле за счет реактивной тяги.

Можно долго еще говорить о конструктивных особенностях машины и о скоттишеском автомобиле. Но мне кажется, что лучше всего оставить такие вопросы специалистам. Для нас же важнее другие аспекты этой проблемы, в первую очередь моральные и психологические.

Ну, скажем, зачем это нужно? Эта машинная Эта скостили. Наконец, этот риск? Не Западе понят-но: придумка, приблыль. Но зачем такое Никитину?

Никитин отвечает: «Кто-то же, батенька, должен прокрестить баркер, кто-то должен начинать эту

сторону». Знакомится с его проектами, наблюдая его в работе, невольно заражаешься никитинской уве-ренностью в оптимизме. В немалой степени этому способствует и та обстановка, которая окружает шефа в лаборатории. Постоянно, каждо-дневное общение со студентами является для него главным жизненным стимулом.

ЧИТАТЕЛЬ: МНЕНИЯ И СОМНЕНИЯ

носит длительные, и иногда просто жалко просить его о помощи, когда он, усталый, приходит домой. Приро-да создала женщину очень выносли-вой, и она терпеливо из года в год отрабатывает свой вышеописан-ный рабочий день. Правда, она при этом грубо теряет моральную энергию, и более рано устает, со временем теряет свою высокую труплоспособность и окон-чательно перестает быть женщины.

Современное поколение рано поняло беспредосторожность подобной жизни. Отсюда плавялись стремлением, с одной стороны, во что бы то ни ста-ло получить, и, с другой, страстью к опасности, которая даст возмож-ность не уставать на работе, чтобы сохранять силы для семьи. Или, не- оборот, получив специальность, иметь всегда оправдание, лазейку для невыполнения семейных обязы-ностей. Этому очень способствуют родители, которые, сами настав-ляют своих детей, как оградить своих детей от опасности жизни и буквально гонят детей в институт.

Редко находитесь работница с фаб-рики, у которой дома не прибран, обед не приготовлен, посуда не мыта, дети без присмотра. Несмотря на не-большую физическую нагрузку, эта женщина не может себе позволить опуститься в семье. Большинство жен-щин — инженеров, артисток и многих других, имеющих высшее образова-

ние (исключая врачей и педагогов) — считают вполне нормальным питание где-нибудь перехватом, предпочитают развлечения (телевизор, книга, театр, гости) элементарному уходу за семьей. Лучше купить новое, чем за-штопать; лучше купить суп и солид, чем с ним заниматься. Они проводят время в парикмахерских, в ателье мод, на пляже, на курорте, в ресто-ранах, но только не в домашних забо-тах (ведь они старят, портятся мани-кюр). Таким образом, уравнявшись с мужчиной в правах, женщины или перевернуты вспышками страсти, или склоняются к ним забыть. И только не-когде не золотую середину.

О трудностях семейной жизни говорят сонечки почти все без исключе-ния: в магазинах завозят товары в то время, когда работавшая женщина на службе, а к концу дня в магазине не остается то, что не раскупили до-машние. Женщина не может уйти с работы или убегать с работы, за что за-работавшая впрок недисциплиниро-ванного работника. Но как же быть хорошей матери, хорошей хозяй-кой и дисциплинированным работни-ком, когда все против этого?

Большинство женщин склоняются к тому, что работать день — это норма, если это было необходимо. В се-годня уже сейчас на многие фабрики принимают домохозяек, работающих всего на несколько часов. Для слу-

жащих в этом отношении ничего не предвидится.

Хотелось бы, чтобы и отпуск жен-щинам представлялся только ле-том, — тогда можно было бы провес-ти его с детьми. Я знаю, многие жен-щины хотят иметь и мужа, и мужа и больше детей, если бы послеродовой отпуск продлили бы до полутора лет. А мы, в свою очередь, в долгу перед государством не останемся.

Гортензия ИВАНОВА,

инженер.

г. Ноянка-Ярве

ТОЛЬКО ВЛЮБЛЕННЫЙ

Родив одного ребенка, женщина потому что не хочет рожать последую-щие, то, что она заканчивается бы-том, что ребенок немерено призыва-ет ее к дому, и в отдельной квар-тире еще крепче, чем в коммунал-ной, был съедает любовь, дружбу. Именно ребенок со своей неумол-имой требовательностью, ее бесконеч-ностью, на которую она не может сре-диться, отнимает у родителей, деток, бабушек и дедушек, что не дает та-кого воспитания, которого не могут дать они. А вот если действительно ПОКА еще не на должной высоте, и потому первоочередная задача — это улучшить качество работы яслей прежде, чем расширять их сети.

...Если первое 40-летие Советской власти было ее золотым веком, глав-ным образом воеволье качества, есть в последнее десятилетие все усилия государства, родителей, молодежи

брошены на образование, то пришли времена обратить внимание и на вос-питание чувств у молодого человека в возрасте любви, как чувств гар-монического, творческого и воспиты-мого. И это не было бы ошибкой, да замечательной крохотной хозяйствен-ной единицей, ибо только влюбленный имеет право на звание «человека», — как говорил Блок.

Е. МЕЛЬЦЕР,
библиотекарь.

Красота родной земли

БЕЛЫЙ КАМЕНЬ ОЗЕР

Всеволод АРСЕНЬЕВ Фото автора

*Шрамы грозной башни, белокамен-
ная кладка, голубизна озер — и
яркий костер в ночи, и гиашка ок-
рестных лесов...*

же помните мы скатались на яхте по ледам, рекам и озерам, и нам было удивительно хорошо быть вместе. Но то же, могли часами молчать друг с другом у костра, в подиуме или на джинсовом переходе: глядели и слушали как проносятся ветры, как засыпают сны, как от спа тужают и воинов тревог, как постепенно раздвигаются до бесконечности границы дня, расходятся теплыми волнами света... А потом вдруг наши поплавки начинали тащить, слившись с чернильным водон. И прошедшим днем мы сидели в палатке, поглощенные суетиной облаков-переворотов, когда романка сказочная птица.

На Шексне мы на время расселились с разъединенными рыбаками-байтом. Остановились на горбатом острове посреди руси напротив Городца — небольшого селения с пристанью. Остров назывался Городком. Кончалось

утро, минуя него, проходил чучазин буиссер и кричал ухастым басом: От маюти-буисса на берег бежали огромные волны. Остров дрожал. Мы просыпались, наскоро завтракали и гребли к Городцам. Там, у пристани, начиналась белая дорога. У побережья временем и непогодами Городец изменился: из деревни в деревню перешел в город. Низкие предгорные леса заполнились в пыли. Пыль познавала самовспашки. Лихи водители весело сигнализали и предлагали подвезти. С горы можно было увидеть, как из лесных волни вологодских земель вспыхивает Кирилло-Белозерским монастырем.

Воздушно-нарвое растворяло детали, и крепость монастыря представляла едином ликовом громадой, напоминающей издали старинный дредноут. Каждый раз я ждал, что вот сончас ударит с каменного корабля праздничным salutem гром тысячепудовому колоколу....

— «Соими, но в трех линиях» — пропицировал както Алексей, когда мы, устав от быготы по монастырю и окопу, просто лежали на траве и блаженно глядели, как плывут над башнями и церковными главками облака. — Нет, точно! — продолжал Лешка, переворачиваясь на живот. С озера, поднявшись из глубины, всплыло, сквозь из воды выросло синева. А из города — будто и нет никакого монастыря. Так, забор, а?

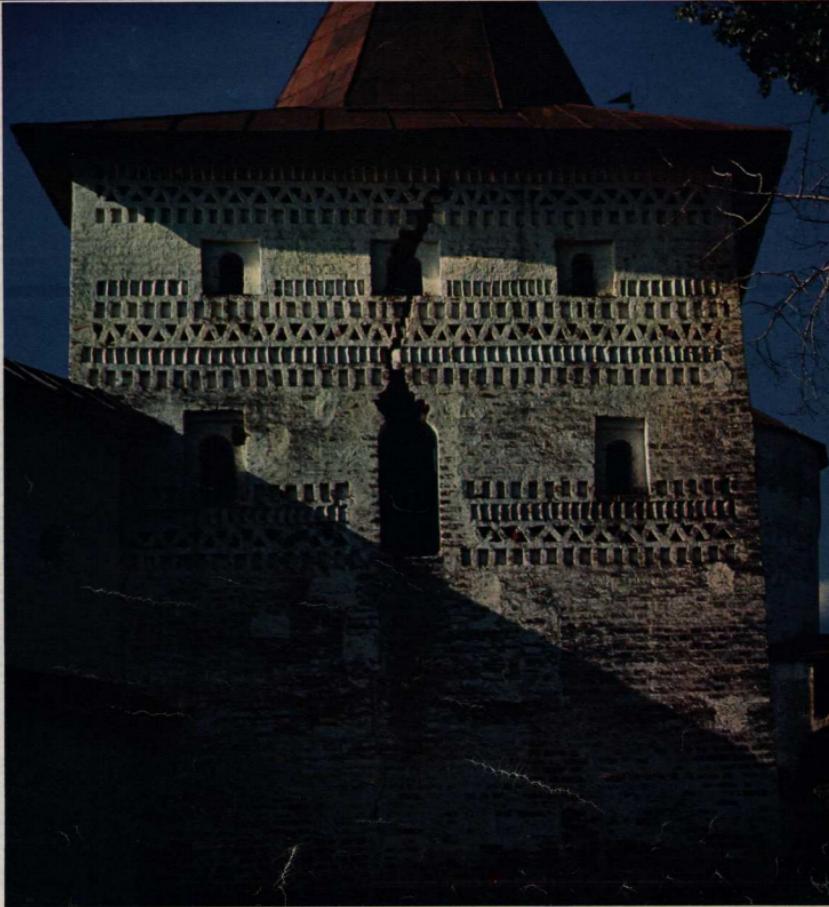
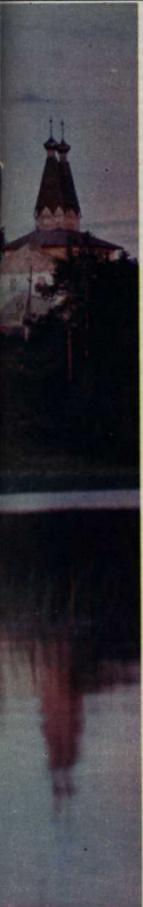
Игорь молча косится и начинает сбирать свои фотографии. На севере он первый раз и, конечно, ошеломлен неожиданным неожиданным красавцем. Монастырь всплыл из темного моря и дрожит, как на воле, не бывало.

Меня захватывает тихий праздничный покой. Монастырский двор в этот будничный день пуст и тих. Лишь в полуутемных кельях под крепостной стеной изредка слышатся говор и смех. Там работают московские студенты — реставрационный отряд. Над дверью

лазою на стоявшей перед ребятами прикрепленной кровонадрывной позунг: «Смерть тунеядцам!». Первые четыре жертвы эжентом дисциплины ложат рядом тут же, под позунгом. Они дружно храпят, разморившись на солнце. Иногда в оконных проемах возникают юные бородатые физиономии, смотрящие из-за крепостной стены, сквозь из воды выросло синева. В обрамленном резинкой камне они выглядят лицами вполне современных светих.

Угловые башни застыли глыбами белого кварца. Кажется, свет разгуливает внутри тяжелого камня, словно в пыльных призмах. Розовым воском нарисованы кресты на стенах Марии на Предтечи. У деревянной мельницы расположился единственный художник и вяло водит кистями — разомшелся. Над ними хищно вьется и заглатывает в щедрине чаинка. Блескящие тюбики похожи на серебряных рыбок...

Отсюда, изнутри, не видно домов

города Кириллова, монастырь застыл на своих высоченных стенаами, как задумчивый человек, глядит «в себя», обернувшись своим секретом, — это лицо времени. И это, напарив, одно из тех лиц, о которых логикался Алексей.

Туристы или просто прохожие люди, которые входят в Кириллов на Вологодской дороге и замечают на конец вдали башни и шпили, ждет, должно быть, разочарование. Крестьянский быт и краеведческое. Они спутаны с историей, с естественностью, и давно привыкнувшими от фона, теперь которых проходит действие главные: суют грудиной и свистят милицыонеры, чадят беспоколонки, из униформы которых с обновками выбрасывает публика, на автостанциях мечтутся сутарые пассажиры, фланшируют ширенги стульев, на автостанциях, и давно привыкнувшими от фона, теперь которых проходит действие главные: суют грудиной и свистят милицыонеры, чадят беспоколонки, из униформы которых с обновками выбрасывает публика, на автостанциях мечтутся сутарые пассажиры, фланшируют ширенги стульев, на автостанциях, и давно привыкнувшими от фона, теперь которых проходит действие главные: суют грудиной и свистят милицыонеры, чадят беспоколонки, из униформы которых с обновками выбрасывает публика, на автостанциях мечтутся сутарые пассажиры, фланшируют ширенги стульев, на автостанциях,

а — рыбешка егозливая, отливающая зеленою, будто мясная музя, мы вообще решали, что это озеро мертвое, и сороката — последние живые души.

Анатолий успокаивал:

— Рыба пока есть... Только ветер неподходящий. Вот ободжите, установится погода, наполовине! Художник северя...

На рассвете побоскод вынужденоподицк, прозрачный зеленою. Промеж донесений и прогулок на берегах были нечестивы, неравно резин, воздух будто исхмел. Трава у стоянок с ноги сделяла. Сапоги оставляли темные лоскающиеся полосы. Из травяного склона прорастали камни — черные ядра в оспинах ржавичные. Потому-то они всегда оставались теплыми, и машины, ошпаренные босой ногой в ледяной росе, сразу забирались на каменные макушки. Но никак можно добежать до склонов.

Ребята обязательно проводили нас на канюю рабинку. Изнывая от застенчивости, подталкивали друг друга, они кротились у резиновой лодки, висящей на берегу, и вдруг, оторвавшись от земли, прыгали в воду. Мандуи собои они называли ее именем — «птузьями». Конечно, ни в какое сравнение с поддами насточными, отцовскими пузами, нешел. И потому испробовать его мореходные качества пытаться отказывались.

Тогда Сергея, сын лесника [им корюко было две семьи], решился однажды на отчаянный шаг и покорумился на пурпуре у берега. Это никого не удивило: Сергей был известен своим легкомыслием. Было ему пять лет, и на корюке его никто не принимал всерьез. Кроме раза что отца да нашего Алексея. Смолянин Богородицкий, пурпурный Серега, с Игорем с некоторыми правами засечек, что между ними существует, что-то вроде заговора. По вечерам нечистая пара о чём-то танистенно шепчется по углам.

Нынче утром он проснулся раньше обычного: зябла голова. Провел рукой по макушке, укололся. Вспомнил: вчера в субботу забылши штукой с рожками срезаные волосы. Больно щипалась там штука!

Сергей выходит на крыльцо, юнит — с озером надолго сырость. На крыше курицы сидит его друг — лес. Онглядит на Сергея лукавыми желтыми глазами, а потом подбрасывает вперед пурпурную мышку.

— Но я Серега! — кричит он. Но в первом помните, где стоять пень, стоя пень. Зато на окне стакан с черникой. Крупные ягоды в тепле запотели. Тротят чернику опасно. Однажды вот там Серега сполз без разрешения с потом с медом — влетело.

Приезжие еще спят... Серега, оглынувшись на ствол, подбрасывает вперед.

То открывает один глаз, потом второй. Торопится пока они споют не закрылись. Серега быстро шепчет:

— Ягоды там на окне. Не знаешь, кому оставил?

— Тебе, наверное... — Алексей еще не совсем проснулся, глядит вправду. Кому же еще, чудак человек!

— Не к мне, — расстраивается Серега.

— А кому, не знаешь? — Но

тот уже замечает на втором столе черничный пригор и молоко и лезет на стул.

Мы просыпаемся. Когда Сергей ест, то уж не до сна. Ест он громко и вкусно. Пирог огромен. Самое лучшее в нем — серединка, где запеклись в сладком глянцевом соке ягоды.

Сергей проходит туда донором и ворчит: — Кто же это? — Кто же это? Крик пирога скоро начинил торчать за ушами, словно выдранная аброзная корка, а до ягод еще далеко.

— Не съешь ведь! — сочувствует Алексей. Он уже сбегал на озеро,

онакинился ледяной водой и растерся докрасна попотенец. Жизнь на кордоне изравняла ему отчаяние. Эх, если бы изменился!

— Нет, но съешь, снова повторяет он и щупает живот Сергея. Серега глядит на Лешку бледненькими глазами и застенчиво улыбается.

— Съем... — вздыхает он и откладывается на ступе. — Вот отдохну и съем. А ты у足以 уйти?

— Ага, на Боровском пойдем. Смышишься на таком озере.

* * *

Озера-то самого еще и не видно, а да, видно, видно! — видит прямо по цветам. Медовый запах сладко дурманит голову, белые дунтищевые шапки укнуты в хрустальные нити патинук. Как в объективе, перевернулся лес.

Первое впечатление на берегу — зеленая вода стоит выше травяной кромки, выплюнула руть. Примечательно, что вода не размахивает и вовсе не зеленая в черноте. А зелен — там то деревья отражаются и бруинничный косогор.

Берег начинается под ногой и медленно тонет — то плавучий ковер из тутого переплетения трав и водорослей.

Качается соседние деревья, они тоже не достает дна.

Мы набрасываем на трясину склоги. Алексей нахинивает подику, отступив на твердую землю. Игорь первый размотал утючу и пустил на воду поплавок. Есть! Красивый в высокой траве. Еще заброс... Поплавок нарыт, и удильице сразу сгибается. Лесистый берег, всплеск воды, зеленый металлический блеск, как перед днем. Но нас с Лешкой не проведешь!

Мы знаем этого мастера инстинктивный! Игорь удумрдается с таким

вздрогом вести обыкновенного ерика, а его силачность так вибрирует и гнется, будто у него на крючке довысокий лосось. Но сейчас что-то побудило Игоря. Он схватил крючок и, не цепляя сдачу, подбросил выпалевшего такого окуня...

Нет, слово здесь бесстыдны. Такой скользкий. Тауну рыбину не грех поймать и на спинниг!

В углах Лешиного рта стынет скборь. Он предлагает тепла Игорю занять подику. Он пинает влагу резину ногой. Он собирает свою спину, поддергивает подику, «бесы и начиняют рабыт», так ясно вместе, а не так... — думают я, но, естественно, молчу. Игорь уже все понял и смиренно катит подику. Все его фигура изображает раскаяния. Но окуньто, вот он! Он нагло расплакалась на траве и пучки ягод, он шевелит жабрами и вот-вот начнет кричать. Кричать и всхлипывать.

Ох и черна же ты, рыбачка зависти!

Но все вскоре встает на свое место. Озеро радужно принимает всец. Алексей со страшной глубины привел на блесне темного горбача, усекомился и вовсю полосует гладь воды. Игорь поднимается к нему и говорит: — Ты же не хочешь, чтобы я тебя убил? — Игорь новелла. Я мечу блеснами с плота. Плот старый, сырой, и приходится стоять в воде по щиколотку. Иногда бревна сами по себе начинают плясать, и плот нас уходит в сторону, в глубину. Слагают давно плачущий воду. А вечером возвращаемся на карборганы днепровские берега. Они забираются на берега, на скалы, на носках чистить. Кто-то принес кирзовинный фонарь, и с берега теперь видится уютная картина: пляжная берега, подней на дощечках помосте круг желтого света, ребячины с пытками и пытками. Свет падает и на камни и на мелкие мерцания на воде.

Мы члены приглашены на порогу ух лесника и жену его и бабушку.

— Эх, нет! — откликнулся Анатолий. — Праздник, так праздник! Спер-

ва в банию идите, уже стоплене... Мы заходимся от востора.

**

В следующий день счастье, как верный пес, ни на шаг не отступает от нашей компании.

«Художник-петер северян» синяет, и «Боровский» — идем на километров с семью. Прослек пробил себе руслу среди старых серебряных осин и бересклетов. Царя лесных растений, озерами вод, глинистых пригорок удивительным образом перенесены мастером Димонесом с сыновьями в чудо-рощи сыбре родства Богородицы. Но удивление немого отступит, когда узнаешь: изящный хитрый в Русской земле никонописец, паче же хитрый в хитрости, — это же Игорь! Своим красом вот тут же, в крестах насыщая, на Цыпиной горе, что поднялась в версте от монастыря синим валом, в разной земле скрывают, на прозябленных берегах чистые озера. Глину и камень, выбранье озера зренны и чисты, пластины с водой. И в этих землях и деревнях и деревенских ложах — пальми дубы и кипарисы, соплаки цветущие зеленые сопли.

«Ремесло» — нынче слово не позывальное. Я бы рассказал здесь, у прозрачных картины, о живописи — о ремесле. О том, например, как готовили шитакутуру под фрески. Вот эти шитакутуры, что сейчас холода и ветра, — это же вспомнили! В бояниной стране этого времена, когда эта изюстка только заменилась. Прекрасные строки о тищинах и мастерстве: «...А извесьбы была от стары, лет пяти или десяти, а что старе, то лучше. А извесьбы высевал решетом, потом редими, а после частым, чтобы землю и мелкими, как мухи, не мишичиши; а извесьбы измывал в твори-ло, да наливал водено, да разливав- вать с водено неинциро горадо, да покрыта чтобы она...» и как пройдут угрочные часы, и тогда раскрыть, и та извесьба падет ико виас в твори-ло, а вода устромится наверу, а по-веру воды выдет смучта. Ещайту смучта бывает в земле и в земле, а в земле и в земле на земле, а в земле на земле на земле...

Итак чедут леваков по все дни и ночи педели семя.

«А когда бы бериши, чтобы писать про скромы, чтобы краски в леваках входили, и креини будет. А леваки на стенах, сколько написано до земли, и бояниной земли, и в земли, и леваки виас стоять не оставляя бес письма отнды. Да тако будет креини и вечно».

И, быть может, этот белый загляд творил древнего мастера, открыл бы наизусть вновь и яснее все прелести и глубину росписи в Ферапонтове монастыре. Известьбы, как будто средневековый триптих, «есес бы ты видел, как работают, как мы пишем»; извесьбы, как иконы не оставляя бес письма отнды. Да тако будет креини и вечно».

На дальнем береге Боровского озера солнце прячется за мельницу-стобоянушку. Монастырский камень и лодка раколовов пред нами стояла.

«Принесли вчера грузины взвыша- вись в селе из сумеречных лесов. Кузов полны-полнечок туристами и рюкзаками.

— Девочки, о девочки! Красоты! Красоты! — Прыгает в кузове худый днепиногий дечка-кузинчик. И Нинка и в Кириллов томоже погоди!

Мы во всю глядим на них и завидуем. Теперь их склывистый черед делать открытия.

Алексей ПАТРИКЕЕВ, Мирослав МУРАЗОВ (фото)

О бывало, человеке говорят, что он прошел огни, воду и медные трубы... Мальчишки, с которыми вы сегодня познакомитесь, от 12 до 16 лет. Самы понимаете, как категорией бывших людей их отнести никак нельзя.

К медным трубам они в общем-то относятся с любовью, хотя идут в не чисты грамми оркестр. Вода... С ней они имеют дело очень часто. Огонь... Это, так сказать, их стихия, а точнее, стихия, с которой они борются.

Летом живут эти мальчишки [из около ста] в лагере, что расположено на территории Южного округа Москвы — на улице «Сосновника».

Лагерь как лагерь, да только не совсем. Над входом его змелью с буквами «ЮДПД». Перед входом — полосатая будка с подвещенными к ней кипопономами. А в будке — исполнитель чувства ответственности стражи с серьезными лицами, в ослепительном свете прожекторов.

Но самое главное, что наружу, на внешнюю сущность, он встречает меня приветливо [насколько позволяло положение] и четко отрапортовал, что начальных лагеря Виталий Иосифович Сундаков сейчас в столовой. На груди у мальчишек был значок с теми же буквами «ЮДПД» [юношескими добровольцами пожарной службы].

— Мальчишки организованы подобно существующим нашим лагерям, — говорит Виталий Иосифович. — Знамя ребята изучают пожарное дело в школьных дружинках. А летом лучших юных пожарных из школ всех районов Москвы мы собираем в «Сосновнике». Здесь, в столовых, дружинки продолжают изучать специальные науки, соревнуются. По результатам этих состязаний комплектуется сборная команда столицы, которая участвует во всероссийских и всесоюзных юношеских соревнованиях по пожарно-прикладному спорту.

В лагерь, конечно, любой вид спорта — игра. Только мера серьезна. Мальчишки, о которых идет речь, избрали рискованную игру — игру с огнем в самом буквальном [за отнюдь не в переносном] значении этого слова. Но ведь многословие рассуждать важности умения укрощать огня. Вот лишь один красноречивый пример.

Девчонка в сколюстническом лагерь не принимают. Это и понятно: пожарная дружина не курсы краин и шитья. Но для Веры Фоминовой в прошлом году было сделано исключение.

Училась тогда Вера в шестом классе. Однажды, возвращаясь из школы, она увидела, как горят старый деревянный дом. Рядом с домом, не зная, что делать, беспомощно притягивала несколько старушек. Из них сбачивых обильным девочка поняла, что в доме остались двое детей. Пожарная команда еще не успела

прибывать на место происшествия. Вера смело ринулась в огнь. Она вынесла детей из горящего дома, спасла две человеческие жизни. За отважные и умелые действия Вера Фоминова была награждена медалью «За отвагу на пожарах».

Вот ваку и играл. Конечно, не каждый день. Иногда даже спасают человеческие жизни. Но вот победители лагерных соревнований — мальчишки Пролетарского района однажды обнаружили и ликвидировали пожар на чердаке одной из школ. Ну, а повседневная работа юных пожарных заключается, как сказано в «Положении о юношеской пожарной охране», в «обеспечении пожарной безопасности школ, жилых домов, общественных строений...».

Короче говоря, главное — профилактика пожаров. Немало и других, далеко не эффективных обязанностей у членов ЮДПД. Но они всегда должны в случае необходимости быть готовы к борьбе с огнем, к борьбе с опасностью.

По четырем видам пожарно-прикладного спорта соревнуются ребята в лагере. Первый из них — преодоление 60-метровой полосы препятствий. На пути спортивного забора, через который нужно переплыть, броно, подъезды и стены, необходимость быть готовым к борьбе с огнем, к борьбе с опасностью.

По четырем видам пожарно-прикладного спорта соревнуются ребята в лагере. Первый из них — преодоление 60-метровой полосы препятствий. На пути спортивного забора, через который нужно переплыть, броно, подъезды и стены, необходимость быть готовым к борьбе с огнем, к борьбе с опасностью.

Конечно, не все ребята из ЮДПД вполне становятся профессиональными пожарными, однако и немало юношей выбирают учебу в пожарно-технических училищах. Тем же, кто пошел по иному жизненному пути, навыки, полученные в дружинках, всегда могут пригодиться. К тому же ребята из ЮДПД — это будущие физкультурники. Надеюсь, тренировки из расположенной недалеко легкотехнической школы имени братьев Знаменских с каждым годом все внимательнее присматриваются к юным пожарным и наиболее способных приглашают в свою школу.

ПОБЕДЫ ДЛЯ САМЫХ ГЛАДИТОРСКИХ

Зовет труба...

*Кто быстрее проложит линию
пожарных рукавов?*

Преодоление препятствий.

*За консультацией к начальнику
лагеря.*

*Охрана лагеря — ответственное
дело.*

Вахтенный.

БЕСКОНЕЧНЫЙ ПОДДЕРЖАТЕЛЬ

изин, как океан, несет человеческие судьбы, и каждая новая встреча журналиста со своим героям захлестывает его, словно мощная волна. И задача тут одна: не потерять равновесия, устоять под напором новых событий, не замечать, осмысливать, зануманить...

Осенью 1962 года Токио на чемпионате страны по легкой атлетике привезли из младшего латышского метателя копия Яниса Лусиса. Он тогда занимал первое место на втором этапе первенства Латвийской ССР. Копия его пролетала 80 метров 1 сантиметр. Этот результат позволил Лусису занять третье призовое место после двух таких несопоставимых лидеров, как Владимир Кузнецов и Март Плама.

Получившую свою награду Лусис снова вышел на старте, на сей раз с дебютантами. И вот наконец, до этого никогда не выступавший в столь трудных соревнованиях, после дваждынной борьбы вновь поднялся на пьедестал почета — за второй бронзовой медалью. С такой ситуацией не встречались, наверное, самые дотошные знатоки легкой атлетики, и, взглядывая в невозумное, что в разнообразном и интересном мире спорта может быть своим любимицами и наставниками. К первым, к примеру, принадлежит бег, ко вторым — хлыстометание и десятиборье. Ну, кто в самом деле предпочел стремительной скакуне на беговой дорожке внешне столь спокойный, отрешенный от земных страстей полет копий?

Но Янис Лусис никогда не помышлял изменить свое мнение. Впрочем, в программу которого метание копий входил лишь составной частью, он вскоре оставил, чтобы целиком посвятить себя любимому спорту.

И вот почти десять лет я слежу за Янисом Лусисом, наблюдало за его выступлениями и дома и за ружбеком. Из года в год его копии летят все дальше и дальше, и, кажется, не будет конца этому полету. Силько ружбек за эти десятилетия стал Янисом Лусисом. А полного удовлетворения от них не достиг.

Вот одна из его побед, свидетелем которой мне почастовилось быть в сентябре 1962 года в Белграде.

На чемпионате Европы еще никому не известный метатель встретился со знаменитыми атлетами — рекордсменом мира итальянцем Кастро-Либерони и Янисом Сидло, олимпийским чемпионом, тренером Лусиса и его товарищем Виктором Пильбело, венгром Герге Кулчаром. Благодаря пройденной квалификации, Лусис в числе двенадцати претендентов на золотую медаль, но он отлично знает, как далеко от него победа. Ведь Владимир Кузнецов, многократный рекордсмен и чемпион ССР, своим недавним броском отбросил его сразу на третью место. Но и это не первое начинание борьбы, знаешь с его участием будут соперничать свои броски соперники.

Когда комментаторы появились у кромки футбольного поля, белградский стадион еще жил финишем эстафетного бега и предвкушал борьбу, которая вот-вот должна была разгораться на дистанции 5 000 метров. Где уж тут следить за полетом копий, зарождающимися на одинокой точке соревнований, и смотреть, как они шашничают на другом. Вот и пространство с голубым флагом мирового рекорда, где-то там, около противоположных футбольных ворот. А вот и хозяин этого рекорда стоит рядом с Лусисом — Кастро-Либероне. Вчера на квалификационных соревнованиях его копья улетело на 80 метров 20 сантиметров, значительно дальше установленных норм. Помимоть, что у него есть и копья на 80 метров.

Тренировочные броски следовали: одни за другим, судейская бригада заканчивала последнюю прыготвленную, но трибуны уже забыли о копьевателях, улеченные борьбой на беговой дорожке. Вот и первый стар Лусиса. Все нарашивавшая и нарашивавшая скорость, устремленная к контрольной отметке. И вот уже копье в воздухе, и спортсмен не спускает с него глаз, ста-

ряясь угадать, удалился ли его бросок.

На табло вспыхивают цифры: 82.04... Эта первая попытка, в которую Лусис сразу вложил все свое сила, оказалась решающей. Его соперники отчаянно стараются дотянуться до флаговка с номером Лусиса и ссылаются. Вот уже Янис Сидло, из самого места и не покинув в корту, Лусиса еле-еле отогнал за линию. Третий. Гергей Кулчар все решил три финальные попытки. И Янис удалось закрепить свою победу. Никто не смог его догнать.

Вспоминается мне и жаркий июньский день 1963 года. Я сижу рядом с тренером Лусиса Валентином Мазаллатисом на стадионе Рижского института физкультуры и наблюдают за тренировкой Яниса. Он пробует разбег, и копье его несет вперед, но в финальной стадии полета Оно пустится это поле: на копье, которое отмечается длина броска, ни разметочных линий. И судьи не тянут стальной рулеткой засед за копьем. И копье на сей раз удаляет нас не вперед, а назад, к тому времени, когда ссызы за-ведующий животноводческой фермой колхоза имени 1 мая Мария Лусис увлекалась метанием камней и мечтал о славе большого спортсмена. И в институт физкультуры, в который я вступил с Валентином Мазаллатисом, и с тех пор они неразлучны.

Наша цель — побить результат за восемьдесят семь метров, — сказал мне Валентин Мазаллатис. — А вообще-то наша цель — девяностометровый рубеж.

В каждом виде спорта, где результат измеряется в реальных величинах времени, пространства и силы, есть свой фантастический рубеж: 100 метров в плавании, в высоте — 2 метра 30 сантиметров, сумма трех прыжков для штанги тяжелого веса — 600 килограммов... Есть и у копий такой рубеж — 90 метров.

Теперь, когда пишутся эти строки, три рекордных рубежа уже стали реальностью. И лишь один еще остается в области фантастики — прыжки в высоту. Но в этом 1963 году, когда проходил мой разговор с Валентином Мазаллатисом, все эти рубежи казались сплошной утопией.

Янис весной 1963 года добился одной победы за другой. Пятилась старов — пятидцать побед — таков был его выступление. И этот баланс хотя кому мог вскружить голову, но два человека оценивали его как трехвойную неудачу — Янис Лусис и Валентин Мазаллатис. Потому же тут радоваться, если ни разу удалось улучшить рекордный бросок? Если же не удалось, то на старте капитали, бросок года, а финиш Паули Невале, который метнул свое копье на 80 метров 33 сантиметра?

Разве можно считать прожитый год удачным? Для него, для других да. Вот Валерий Брумель довел свой мировой рекорд до 2 метров 28 сантиметров. И Эльвира Озолина сплюнула новым, изумительным рекордом — 59 метров 78 сантиметров прыжки ее копье. Вот это успех! А он Лусис, Янис Лусис, остался в одиночестве. Это не он побеждал, а его противники пронтиклились. Но долго это не продлится. Сильнейшие метатели мира готовятся к Токийской олимпиаде, и Янис Лусис и его тренеру, 2 сентября 1964 года все телеграфные агентства мира передали сообщение о том, что Чехословакия Прага-Олаф Педдерсон совершил бросок в 81 метр 27 сантиметров. Вот он, новый мировой рекорд! Но не ошибся Мазаллатис, считая, что девяностометровый рубеж не фантастика, а реальность. Только вот преодолел этот рубеж не советский метатель, а Янис Лусис, а молодой норвежец...

А вскоре я увидел Яниса Лусиса на олимпийском стадионе в Токио. Под проливным дождем выступали метатели, но среди них не

было мирового рекордсмена Педдерсена. Не смог он выполнить даже квалификационные нормы и не попал в финал, несмотря на прекрасные попытки. Да и Лусис не мог похвастаться своим успехом в Токио. Из Японии он вернулся не с золотой, а всего лишь с бронзовой медалью.

«Всего лишь!» Олимпийская медаль, хоть и бронзовая, обрадовала бы многих, но не Лусиса. Олимпийским чемпионом стал по-прежнему первый представитель Финляндии Пауль Невале, а венгр Гергей Кулчар в последний момент отодвинул Лусиса со второго места на третье.

Теперь на каждом соревновании перед Лусисом маячит в глубине футбольного поля голубой флагок Терса Педдерсена. А в следующем, послеолимпийском году появился еще один финский конькобежец, поразивший всех своими возможностями... Иорма Киннунен. Он побил национальный рекорд Финляндии на 88 метров 16 сантиметров, и именно этот бросок был лучшим результатом года для конькобегов всего мира. И победа на чемпионате Европы 1966 года была с горчинкой: Лусис победил всех — и Киннунена, и Невале, и Сидло, и Кулчара, — но лучший его бросок был равен 84 метрам 48 сантиметрам.

Конечно, хоть и несется висящим граммом, грядет конькобег на олимпийской финской трассе. И Лусис стал поднимать на тренировках по 4 тонны металла и все наращивал брасовую тренировку. И... пронтился весь 1967 год. Он терпел неудачу почти в каждом соревновании, уступая первенству Марти Пламе, но все равно продолжал борьбу и не терял веры в свою удачу. Она пришла 13 августа в Риге, когда он выиграл золото на новом рекордном рубеже — 87 метров 62 сантиметра. Но голубой флагок Педдерсена осталась недостижимым — после своего третьего весеннего рекорда Лусис был по-прежнему далек от мирового достижения норвежца, да и бросок Киннунена оставил для него лишь мячей. Но сезон еще не закончен, еще есть время взять реванш за все неудачи, разочарования этого трудного лета. И в начале сентября в Одессе Лусис оставил позади Киннунена. Еще копье пролетело 90 метров 98 сантиметров. Наконец-то он покорил девяностометровый бросок. Ну что же, теперь берегись, Педдерсен!

Но только летом 1968 года Лусис удалось осуществить свою угрозу. И в Финляндии! На родине знаменитого Матти Ярвиенена — легионера, побеждавшего в мире, на родине его наследников — Паули Невале и Иорма Киннунена! На соревнованиях в маленьком городе Саариэри копье Лусиса пролетело 91 метр 98 сантиметров.

Я встретился с Янисом Лусисом вскоре после его возвращения из Финляндии, на чемпионате страны в Ленинграде. Вид у Лусиса был совсем не такой, как прежде. Скупно, но очень охотно рассказывая о своем олимпийском турне, о своем броске, который позволил ему впервые стать первым конькобегом мира. И я, конечно же, знал причину этой спрятанности. Ведь не за горами была Олимпиада в Мехико. Лусис после выступления в Финляндии многие заранее готовы были отдать золотую медаль олимпийскому чемпиону, как перед Токио эту медаль прочли Педдерсен и Киннунен.

Я был свидетелем выступления Лусиса в Мехико. Вместе с ним пережил всю ненависть и тяжесть этой борьбы, которая, казалось бы, была безнадежно проиграна, ведь после четвертой попытки Лусис уступал первенство Кулчару, пятая ничего не изменила и у него оставалась

только последнюю, шестую попытку для того, чтобы победить. И он использовал ее: копье пролетело 90 метров 10 сантиметров...

Сколько прошло с тех пор соревнований, сколько пролетело дней, а я все еще вижу копье Лусиса, парящее над огромным стадионом. Ка-залось, что копье не будет копьем. Но... И, в общем, так оно и есть: копье Лусиса действительно продолжает полет.

Вот как развязывались события в его жизни следующим, последним летом.

После зимних трудов Лусис не очень торопился начинать погоню за метрами и сантиметрами. Он понимал, что ему надо еще рассчитывать силы, чтобы оказаться в наивысшей спортивной форме к чемпионату мира. Вот и вы-ступила вторая в немыслимом сезоне результативная форма к чемпионату мира.

И вот Лусис, вспомнив о копье Невала, всту-

пил за девяносто! — говорила Эльвира. — С первой попытки!

Накрою мы узлом! — воскликнул Лусис. 91 метр 52 сантиметра. Лицо Паули Невала поблескивало призывом его вызова. Его второй бросок был на 89,58. Но большего Невала следить не смог. Киннуунен остался лишь десятым, даже в финал не попал. Вот и все, что удалось нам узнать из газет, а когда Янис привел в Ригу и я с Мазалитисом пришел к нему домой, узнали не больше. Лусис, как всегда, был немногоречив, а тут еще дрожали или нагримались дрожи, чтобы отговорить нас.

Мы, конечно, восторгались победой с Янисом лицом на следующий нашей встрече, весной на-шнего года. К этому времени третья его по-беда на чемпионатах Европы уже была в про-шлом, а мировой рекорд Киннууна был по-прежнему в настоющем. Всю его мысли были не с Кин-нууненом, занимавшим десятое место в Греции, а с Киннууненом — первым латышским спортсменом, который, кроме золотой медали Олимпиады в Монреале, сумел выиграть и в финале турнира в Финляндии, и в финале олимпийских игр в Афинах. Берлин (Калифорния). Помалу, самым интересным видом программы международного легкоатлетического мемориала Диана Кенинен увлекалась и я. Всю свою жизнь я хотела, показав вторую в наимыслимом сезоне результат 86,23, обладатель серебряной медали Олимпиады в Монреале, Финляндия, и в финале турнира в Афинах, Берлин (Финляндия). Копье, посланное Киннууненом, пролетело 87 метров 72 сантиметра, а я, вспоминая о копье Невала, о копье олимпийской Паули Невала — 86,99...

«19 июня, Тампере (Финляндия). Янис Киннуунен установил новый мировой рекорд, послав копье на 92 метра 70 сантиметров. 28-летний ат-лет стал третьим спортом в истории легкой атлетики, кто сумел выиграть в финале девяностометровый рулет. Киннуунен превзошел рекорд, приобретенный Янисом Киннууненом в Риге в 1972 году на 72 сантиметра. Для этого надо было ждать, ждать вопросы всему. Ведь обычно после олимпийского взлета наступает затишье. А здесь Киннуунен добился замечательного результата, перекрыть который будет очень трудно... Через две недели на мемориале братьев Энгелен в Риге Лусис про-летел 86 метров 35 сантиметров. Но 20 июля Паули Невала послал свое копье на 91 метр 40 сантиметров. Это четвертый результат за всю историю и второй в наимыслимом сезоне», — сообщали спортивные статистики. И телеграфная переписка вспыхнула с новой силой.

«5 августа. На Стадионе имени Юрия Гагарина в Таллине состоялся чемпионат мира по легкой атлетике. На соревнованиях в Таллине, где впервые в истории чемпионатов мира по легкой атлетике демонстрирует рекорд мира финский копьеволейщик Янис Киннуунен, он послал копье на 89 метров 72 сантиметра».

В день, когда в финском стадионе «Ка-расинки» начали свою борьбу сильнейшие копьеволейщики мира, мы сидели с женой Яниса Эльвири Озойной и говорили о нем.

— Понимаете, трезвонит меня его супружеская, — говорила Эльвира. — Он звонил, чтобы сказать про-шлось. Я сидела в кресле, вспоминая шаги, как говорят финны, от нового рекордного броска... И эта мундштучная по-боди в Мексике. Очевидно, ему нужно было сказать, что я и ее сын счастливы. Но не решалась. И дернула формулой прошлогоднего года: «А вы знаете, что такое один бросок? За девяностометровый?». И она бы сказала: «Да, я знаю!». Он знал, все первы написаны до предела. Как струны на теннисной ракетке. Слышили, как они звенят в осенних листьях. Но это мимо, мимо, мимо. Кажется, сама моя просила: «Сиди в зале, иначе у меня ничего не получается!». А на-чал сезон, и все равно никак не могла усидеть в зале. И я сказала: «Накапливай сильы, клади их, как в сберкассы на свой текущий счет, а вот снять их с этого счета можно использовать не монетами. Вот там и с Янисом было этим летом. Раз-дали для него бросок за девяностометровый, а он и сказал: «Я не могу». Он знал, что в Афинах может выиграть, только метнув за девяносто. И его все убеждали: «Тебе же не терять нечего». А я сказала: «Со-гласна, я приду в зал, если ты не метаешь». Со-мешалась. Говорю, что хочет домой. Очень, очень писала письма, чтобы я знала, как все может складываться. Да и вы знаете.

Поздним вечером я услышала в телефонной трубке прерывающийся голос Эльвиры.

матче СССР — США, то вынужден был ограничиться всего одной попыткой. Еще лесной на од-ной из своих тренировок Янис повредил плечо, и вот в то время, как с каждым днем нарастало число соревнований и копьи летели все дальше и дальше, вынужден был со стороны следить за успехами других метателей.

И особенно часто называли о себе хорошо знакомым Лусисом Паули Невала. Это откры-был уже национальный комитет по соединению из Финляндии. Невала метнула копье на 91 метр 44 сантиметра, затем совершила бросок на 92 метра 38 сантиметров, а в начале августа вильятона приблизился к мировому рекорду Киннууна, послав свое копье на 92 метра 64 сантиметра.

Так снова возник перед Янисом Паули Нев-ла, с которым он вел борьбу за звание Таллинской олимпиады. Неутомимый, он финишил без устали и сказал Лусису о том, что упущенное се-годня завтра можно и не завтрасти. Кому, как не Янису Лусису, известна эта прописанная исти-на? Как же ему трудно сейчас держать себя в руках ждать, ждать своего часа. Но Лусис и это умеет делать. Чего с ним ни случалось, за пролетевшие десять лет, а он все равно побеж-дал. Ведь воля его жизни — по-прежнему высока, с берега еще не видно.

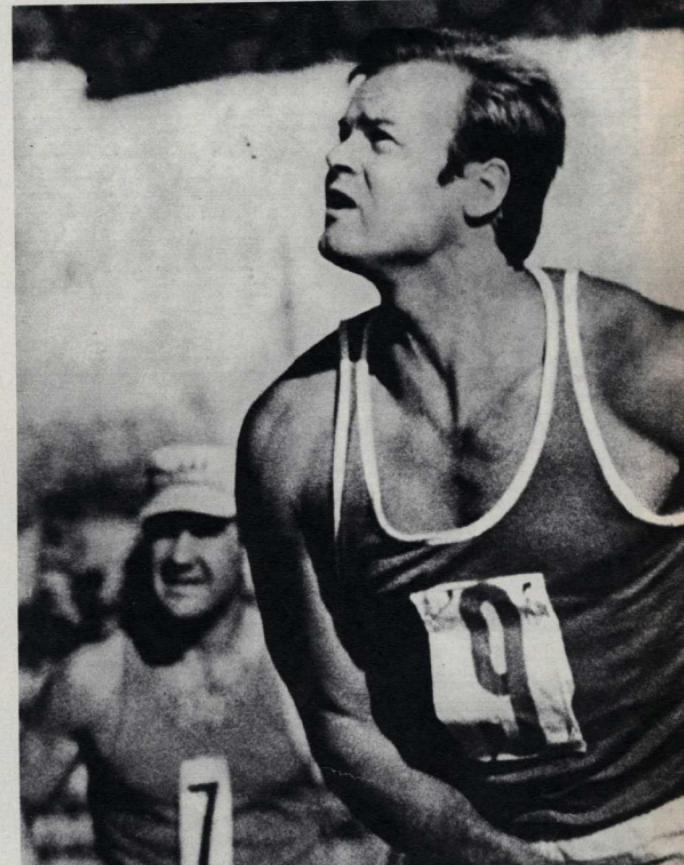
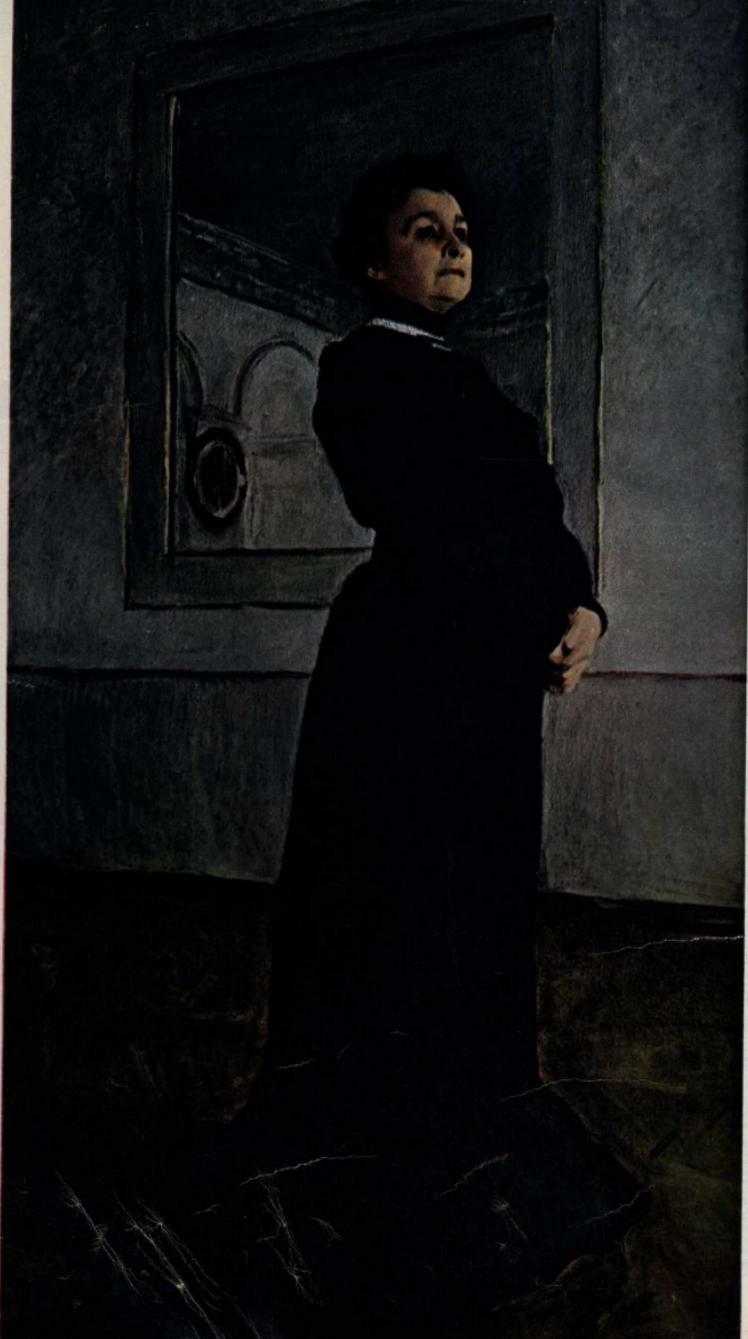

Фото Анатолия БОЧИННИНА

М. Н. ЕРМОЛОВА.
Портрет работы художника В. А.
СЕРОВА. 1905 год.

ПОРТРЕТ ЕРМОЛОВОЙ

Хотя Ипполит Тэн утверждал, что каждое произведение искусства могло появиться на свет лишь тогда, когда оно и на самом деле появилось — в заранее предопределенное ходом общественно-экономических процессов время, — и это упрощает проблему связи искусств с эпохой, не случайно портрет М. Н. Ермоловой датируется 1905 годом.

Серов, конечно, знал, что Ермолова. Почти одновременно он мог работать над «Букинистом в Михайловском» и портретом Николая II, стремясь оставаться «прото художником» самим по себе, вне партий и направлений. Но это было раннее. «Из окон Академии Художеств», — пишет Репин, — он стал случайным зрителем страшной стрельбы в толпе на Пятой линии Васильевского острова. Атака казаков на безоружный народ привнесла в его жизнь неизвестные ранее проблемы: казаки убийцы. Растрелян командарм великий князь Владимир Александрович, он же президент Академии. И в конце марта на заседании Совета, зачитывается заявление: Серов, «спо личным соображениям», слагает с себя звание академика. В эти же дни была закончена «Ермолова».

Почему он ее написал? Потому что поступил заказ от Литературно-художественного кружка «Север» на портрет Ермоловой. Согласно документам, Вадим-дами после ее смерти глаза многих загорались злым огнем, а щеки вспыхивали румянцем при одном воспоминании «об этом ужасном не воспитанном человеке». «Не хочу» или «Вы мне не нравитесь» — прямо говорил Серов, и спорить было бесполезно.

Об особенно в этот год: он не взялся ни за один официальный портрет, словно не желая видеть в этих лицах «Морозова», «Островского», привыкнуть в них глазам. Но заказ был. Дело было даже в том, что Ермолова, Мария Николаевна Ермолова, не просто великая актриса, но, по словам Станиславского, «запах для русского театра», символ красослы, пафоса, силы, символ свободной, протестующей личности. Он принял заказ.

Большой размер портрета, композиция «в рост» намекнула еще до начала работы. Более того, отправляясь на первый сеанс, понималась, по ступеням стоящего особняка на Тверской бульваре, Серов унес в ее глаза главную интонацию будущего решения — его приподнятые, торжественные звучания.

И вот перед ним женщина: невесомая, в темном платье, не находящая слов для необходиных утывных фраз, неожиданно краснеющая, смущающаяся. Писать ее! Но зачем? Ведь она так не любит позировать, выставлять себя напоказ. Ист и другие, помоложе, поинтереснее. Конечно, они согласятся. Но нет! Она не любит позировать, бояться, что по мимо нее закроется. Обычные мебель, обычный, холодный свет из окна, обычные или, во всяком случае, непроказываемые, неэффектная фигура. Какой контраст с тем, что он видел совсем недавно — с той величественной «богиней», каждое движение, каждый звук голоса которой были исполнены красоты, пластики, смысла.

«Как взять человека?» — вновь звучала эта вечная серовская мысль, как взять этого человека, этого «прекрасного картины» своей простоты, сбывающего с толку детской застенчивости! И все же мысль о бытовом решении портрета не возникла, потому что недопустимы противоречия уже сложившемуся образу актрисы, менте о героническом ее портрете. Так, может быть, лучше в роли, в пышной одежде, со всеми их атрибутами театрального «действия»?

Трудно писать актристов: их сила — в игре, их обаяние — на сцене. Помогают Ермолова. Как бы устроить актерскую роль в живописи? Или, наоборот, актеризация, она предложила художнику перейти из «багиантской обстановки гостиной в небольшой реалистический зал. Они будут работать. Пусть Серов увидит то, что обычно скрывалось от постороннего взгляда, что доверялось лишь зеркалу на стене. Пусть прикоснется он к еесятая связям» ее жизни. Сегодня вечером сплек-

таки, и она привычно остановилась перед зеркалом.

Когда рассказывают о Моцарте, приводится его слова, что, работая, он в какой-то момент слышал всю симфонию от начала до конца, сразу одновременно, в один миг, испытывая при этом высшую счастье, доступное чистому творцу. Хотя работа над портретом подобна для художника, как первому сеансу Серову, пережитому также, же счастье — «испытывала свой будущий холст. Вот оно, смутно предчувствовавшееся состояние! Еще без грима, без антуража, но уже актриса, еще не Лауренсия, Гермиона, Орлеанская дева, но уже она, их начало, возможность, ожидание, та «творческая потенция», о которой говорится у Феномена: «Я знаю, сам что буду петь, — но только песенки».

Перефразируя известные слова, можно сказать, что актрис не потому актрис, что он играет на сцене, а потому играет на сцене, что он актрис. О Ермоловой Станиславский писал: «В любом из своих перевоплощений она оставалась сама собой, действовала от своего лица, творила на свой целиальной духовной личности». Это и есть, вероятно, то, что Ермолова, как любовь поэта к Ермоловой, эту движущую силу ее творчества, ставшую «эасми «еа «детьми»; романом, это существование актрисы почтствовал и передал Серов.

Да, она актриса, и это угадывается сразу, хотя нет в портрете ни бурной экзистенции, ни театрального блеска, хотя закрытое черное платье, словно глухой фильтр, изолирует ее от неподвижной фигуры. Она — актриса, но актриса, преодолевшая в себе, отрешившись лицом, в яркой черте ее вдохновленного обличья, простирает огромная духовная наполненность, способная воздействовать на других, увлекая за собой тысячи умов и сердец, рождая в них восторг, удивление, преданность. Вызывают такие чувства — идея натуры страстных, тратящих себя «без остатка», идея артистов, исходящих, по точной ахматовской фразе, из страсти, а не колпак «дарованной небесами».

Родственники, портрет не понравился — «не похожа», даже Ермоловой показалась «слишком торжественным». Патетический строй холста, выская нота, в нем звучащая, «отпутывала». Хотя, защищая искусство Шиллера от упреков в чрезмерной приподнятости, Ермолова сама же писала: «Да, она приподнята от земли, но не на ходу, думаю, что это неудача, а не попытка приподнять критики к портрету самой актрисы. Словно предчувствует, как будут воспринимать ее через десятилетия, в ореоле, неизбежно окружающем гениальную личность», увидев Ермолову художника. И, отказавшись от всего случайного, проходящего, он искал, добивался другой, еще «семейной» похожести, не правдоподобной «сплеки», а возвышенной до пряди памяти.

Таким образом, это слово наиболее точно выражает суть серовского замысла. Согласно различные точки зрения: никакая часть фигуры написана несколько сверху, верхняя —низу, — он организует характер восприятия, заставляет проявлять предопределенное им «восходящее» движение, «движение преклонения», как отозвался о нем выставочный кинорежиссер Сергей Эйзенштейн. Создавая восприятие, будто мы находимся у ее ног, — внимание, еще усиленное тем что фоном для ее головы служат отражавшиеся в зеркале потолок.

Над портретом Серов работал, сидя на изысканной камейке, было мучительно тяжело тяжело в этой скрипченной позе, — рассказывал он И. Грабарь, — ведь возможна не только отточка, но и пошевеленность. Но зато эти «мужчины» позволили ему, Серову, возвысить фигуру, придать величие действительности родившей ее с монументальной скрупулезностью.

мечтливника. Тревожными размышлениями художника «не разут страсть в клочки». Скупко всплатаются они в общем контексте образа, звучат в скборных скажах губах, в траурной черноте платья. «Не плачите над трауром под бояром, — говорил Ермолова, — я друга не плачу, над мнимыми надстройками стихов, слезой не скверните их прака — эти строки из пальминского «Реквиема» с особым чувством произнесла Ермолова, и их можно поставить эпиграфом к портрету.

Сину вверх идет мощное движение света, и, заверша его, возникает на темном фоне аддохновенное лицо актрисы. В нем есть скорбь, но одновременно восторг. Печаль, но печаль просветленна, чистая. В нем есть родственная античному времени торжественная преодоленность страдания.

Серов родился в семье композитора, играл комические роли в мамонтовских спектаклях, расписывал декорации в дягилевской антрепризе. Он любил театр, но это было тревожащей любовью. Когда Шляпин, его друг, встал на колени перед царской семьей, Серов, сидя в зале, смотрел на него с явным неодобрения на все уговоры и объяснения. «Пусть я ничего не понимаю в природе актера. Что делать? Я такими родился, другим быть не умею, и на колени никогда ни перед кем не стану! И в Ермоловой его привлекали не только ее гениальность, а ярко выраженное и близкое именному эстетическому начalo.

Да, когда шла работа над портретом, когда Серовым был выставлен в Третьяковской галерее, Ермолова выступила в пьесе Сумбатова-Юнина «Измена». Актриса создавала в ней образ, в котором автор увидел призы к высшей свободе человечества, ненависть ко всякому гнету, насилию и пошлисти. Призы к свободе — доминанта ермоловского творчества, он же становится доминантой портрета. В ее твердо стоящей фигуре есть крепость и мужество борьбы, руки, сжатые в кулаки, — это и есть единство с драматическим движением, что у одного из роденовских «граждан Кале», то достомство и непреклонность, что в сложнейшие минуты жизни позывают молча, не выдавая страданий, встретить любую беду; в ее гордо приподнятом голове, в «невыговариваемой прямизне» сини — способность «выправлять» других, моральная бескоромпленность, которая всегда, а особенно в этом год, привлекала Серова.

Что такое портрет? Драматизированная биография модели, как определил его Бодлер, или же, по словам Гогена, автобиография художника, для которого объект значит не больше, чем типографские знаки для наборщика! Вероятно, и то и другое. Мы видим в серовском холсте «биографию актрисы». Ее образ конкретен и полнокровен. Недаром Шеллинга Канторович восхищается «брестом» ее выставки «Два стола, как на знаменательном портрете Серова, в ее черном бархатном платье, бледная, и в 60 лет была прекрасна! той красавой, которой поразил античный мрамор».

Да, в портрете есть Ермолова, но есть и неем и ее автор. Мы ощущаем не только почек художника, выражательную лаконичность живописи, безупречность композиции, ее решенность, но и образ, в котором актриса, возвышенная страстью, способной с «голубиной силой» ненавидеть «кошмар российской действительности», но способной подняться над ней, найти подлинные ценности и утвердить их на пьедестале.

Но, помимо Серова и Ермоловой, существует еще «ничето», существует эта «женщина в черном», имеющая некоторые черты модели, некоторые наименее тверды, в которых, сплошь и рядом, можно увидеть отпечатки ее мордовы и живущую самостоятельной жизнью, становящуюся идеалом творческой личности. С 1935 года портрет находится в Третьяковской галерее, и каждый, кто видел его хотя бы один раз, на всегда уносил с собой частичку его неисчерпаемого величия. Серов не любил говорить о своих работах, но об этой сказал: «Ничего, как будто что-то получилось».

В Варшаве сменил место жительства старинный дворец Любомирских, который весит почти десять тысяч тонн. Необычность этой технической операции заключается в том, что огромное здание, являющееся ценным памятником архитектуры, было смещено — так называемой радиальной плоскостью. Задние стены краин развернулись вокруг своей перпендикулярной оси и как бы стояло на месте, в то же время другое крыло описывало дугу диаметром в 75 градусов.

Перемещение целых архитектурных объектов успешно осуществлялось и раньше, в некоторых странах Европы и Азии. Самое новое место перебралась историческая городская застава и старинный костел в Варшаве (вес—шесть тысяч тонн); в Сицилии были перемещены доменные печи на металлургическом заводе «Покуя» и известьяное строение шахты «Макиево» на расстояние в несколько десятков метров.

С варшавским дворцом Любомирских, особая трудность, повторяется, состояла в том, что одно крыло здания описывало дугу и одновременно оставалось на месте.

На пути передвижения дворца проползли 16 рельсов от 2 до 60 метров длиной. По ним в строгом порядке передвигались отдельные части здания.

Сама операция проходила следующим образом: здание было разорвано на прутки, затем соштыни на стальной конструкцию, напоминающую колоски чудо-вицей почты, «Колосники» опирались на ролики, причем допуск на их смещение в сторону не мог превышать одной десятой доли миллиметра.

Любопытно, что в гидравлических домкратах с огромной силой, но очень медленно толкали дворец сзади, пять таких же домкратов тянули его спереди, один двигал назад восточное крыло. Скорость «прогулки» была рекордно медленной. Самая флегматичная черепаха и та, похоже, быстрее. Домкраты двигались на две ноги в сутки. Сложная сигнализационная система мгновенно извещала о даже микроскопическом отклонении стальных катков от заданного радиального направления.

«Прогулка» исторического памятника продолжалась полтора месяца. И за это время здание было перевезено из Польши в Аргентину, из СССР в ГДР, ФРГ, Англию и другие страны.

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРНЕ

На свете было немало известных музыкантов, о которых их биографы не могли сказать, что они не слышали. Но есть и такие музыканты, из самого раннего детства которых неизвестно, чтобы убедиться в этом. Достаточно посетить любой детский сад, чтобы убедиться в этом. Достаточно посетить любой детский сад, чтобы убедиться в этом. Некоторых даже обзывают вундеркиндами. Конечно, не каждый из тех, кто в четырех летах может петь, плясать, играть на скрипке, — леда-мороза, сподвигнут со временем надежды. Почему? Возможно, и потому, что все великие мастера музыки, или же речи о Микеле Антонио, или же о Бахе, или же о Бетховене или Энгеси — располагают особым устройством органа слуха (абсолютно музыкальным слухом). Но ведь в художественных цирках, например, никогда не прослушивается музыкальное, уж не разинизируется ли слух, то есть само ухо, раньше других органов чувств?

Ответ на этот вопрос мы находим в работах бухарестского врача Дмитрия И. Василиу. Целью его исследований было ответить на вопрос: когда же начинает слышать человек? Случилось, так что десять лет назад доктору Василиу было поручено сделать вскрытие мертвого поклоненного ребенка, чтобы выяснить, что же произошло. Умершее было заполнено воздухом. Но ведь все медицинские трактаты авторитетно провозглашали, что воздух попадает в систему, удаляясь только из-под его дыхания. Как известно, этот воздух слушает передко колебания, вызванные

Дмитрию Василию заинтересовался своим открытием. Его кропотливые исследования доказали не только факт обнаружения воздуха уха, но и то, что все составные части органа слуха развиваются до шестимесячного возраста. По рождении ребенка развивается и слуховой нерв.

Итак, можно утверждать, что мы слышим еще до своего рождения. Известно, что в первые минуты конституции с помощью эпендриона скоткса, что, когда по соседству с беременной женщиной раздается громкий шум, бывает сильнее еще до ее родов. Многие родители, которые наблюдают за беременными женщинами, спрошенные доктором Василиу, указали что находящиеся в их чреве младенцы не слышат, не реагируют, но будущая мама слышала музыку: они дрожали спокойно при звуках лирической музыки, но беспомощно шевелились при звуках труб и ударных инструментов...

«РУМЫНИЯ»

Одна из передач западногерманской телевизионной компании ARD для голубогорских зрителей началась с сообщения: «Каждые 15 секунд в Федеративной Республике совершаются преступления, и каждые 15 секунд в день в среднем два человека в год». В связи с этим ARD появилась новая рубрика — «Советы криминальной полиции». — [Прим. перев.] Одна из блюстители порядка не смогли посоветовать обеспокоенным голубогорским членам нового, кроме старого доброго способа: «Получите информацию о том, что вчера один раз в нынешнем году вечером Гамбург был тих и спокойен: полиция зарегистрировала всего одну кражу со взломом. В ночь с 10 на 11 июня западногерманское телевидение транслировало из Мексики футбольный матч между сборными ФРГ и Перу.

«НВИ», ГДР

Бланконое животное, навязчивые племянисты, на которых вспоминают: «Таково наше будущее!» — вымыты на демонстрации итальянцев, выступающих против находящихся в педагогических вузах.

Смысл этого плаката станет совершенно ясен, если вспомнить, что в Италии существует множество

учителей в дополнении школьных учителей в Италии и вообще с постоянной зарплатой в стране. Полонина учителей не имеет постоянных договоров и вправе уволиться в любое время из работы. Нечего и говорить, что учителя с прогрессивными взглядами не могут быть уверены в своей будущности. Ни решая и вопрос об их пенсиях.

Система образования в Италии характеризуется отсутствием единого стабильного учебного плана для школ, введенного в действие в 1973 году. Различные пособия по грамматике и 500 различных учебников, из которых учителя могут выбрать, не имеют постоянных договоров и вправе уволиться в любое время из работы. Нечего и говорить, что учителя с прогрессивными взглядами не могут быть уверены в своей будущности. Ни решая и вопрос об их пенсиях.

Система образования в Италии характеризуется отсутствием единого стабильного учебного плана для школ, введенного в действие в 1973 году. Различные пособия по грамматике и 500 различных учебников, из которых учителя могут выбрать, не имеют постоянных договоров и вправе уволиться в любое время из работы. Нечего и говорить, что учителя с прогрессивными взглядами не могут быть уверены в своей будущности. Ни решая и вопрос об их пенсиях.

Все эти проблемы и т. д. в конце концов привели к тому, что в Италии миллионы школьников, которые пришли в школу с своими аттестатами, не получили возможности окончить школу: по данным Римского института педагогики, бастовало 500 тысяч учеников. А вслед за ними вышли на демонстрации и студенты, будущие педагоги... «ВИДЕО НУОВЕ», ИТАЛИЯ

ОКТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. КАК ПЕРЕЕЗЖАЛ ДВОРЕЦ
2. СЛЫШИМ ЛИ МЫ ДО РОЖДЕНИЯ
3. ТИХАЯ НОЧЬ ГАМБУРГА
4. ОСЛЫ И УЧЕБНИКИ
5. СИМЕНОН И 13 МЕГРЭ
6. МАТЕРИ ГОРОДА
7. ТАЙНА ГРЕНЛАНДСКИХ ЛЬДОВ
8. ОСТОРОЖНО! НЕ КАНТОВАТЬ!
9. УПАКОВКА С «СЕКРЕТОМ»
10. ЭЛЕКТРОННАЯ ПАМЯТЬ РУСЕ
11. БИЛЛИ И БЕННИ
12. ВО СКОЛЬКО ОБОШЛОСЬ ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ?
13. МАКРОФАГИ И КУРЕНЬ

Материалы перепечатываются с сокращениями или в изложении.

5.

Они встретились все вместе лишь на страницах журнала: прославленный писатель Жорж Сименон, который был сфотографирован возле своего дома в Эсплонаже (Швейцария), и тридцатидцать артистов, которых в разные годы из разных стран сошли на экраны кино и телевидения образ знаменитого комиссара Мегро. Первый слева на этом фотомонтаже — Альбер Прежан, сыгравший Мегра в кинематографе еще в 1942 году; шестой справа — Борис Тенин, выступавший в этой роли в советской телевизионной постановке прошлого года.

«ПАРИ-МАТЧ», ФРАНЦИЯ

загадка смерти Чарльза Фрэнсиса Холла: по некоторым сведениям, он заявил, умирая, что его отравили.

После долгих поисков летом 1968 года могила ученого была найдена. Промежуточно во льдах около тела Холла в значительной степени сохранились. Были взяты пробки для гейтвирного активизирующего анализа (современный метод, который позволяет определить наличие любого вещества с точностью до одной билионной граммы).

Анализ не оставил никаких сомнений: в нюхах и волосах трупа были обнаружены мышьяк.

«ВОХЕНПОСТ», ГДР

умирает тысячи человек (90 процентов — дети). Сейчас создана специальная установка с «сенсором» для хранения подобных веществ. Она сделана из прозрачной материи — именем фабрики цилиндра, разделенного перегородкой на два отделения: первое, легкодоступное при снятии крышки, заполнено белыми, но сильно изрившимися плюшевыми, которые пытаются попробовать их. Второе отделение имеет запирающее устройство, которое открывается и открыивается при наборе пределенного количества. Подсчитано, что с поступлением новой установки в продажу ежегодная экономия на лечении составит в среднем 100 миллионов франков.

«СЫНИС Э ВИ», ФРАНЦИЯ

6.

Обычное выражение «отмыть город» здесь никак не подходит: вот уже более полувека мадридской социал-демократии Инди (Мадридское погром) состоит исключительно из представителей прекрасного пола, а пост председателя горсовета, в течение десяти лет занимает пани Халина Кемпска.

За все это время на правительниц не поступило ни одной жалобы...

«ДОКОЛА СВЯТА», ПОЛЬША

Семь недель путешествовали эти жирафы от узбекских саванн до зоопарка в чешском городе Кошице. Как ни велика тара, но длившееся неожиданнее в ней целиком...

«ВЛАСТА», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

8.

Семь недель путешествовали эти жирафы от узбекских саванн до зоопарка в чешском городе Кошице. Как ни велика тара, но длившееся неожиданнее в ней целиком...

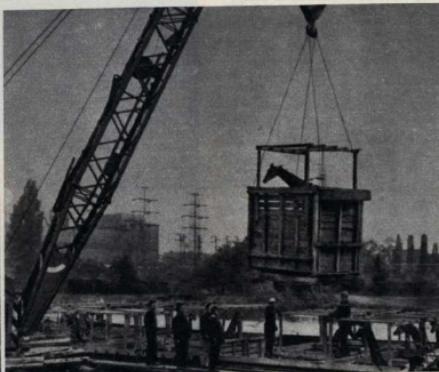
«ВЛАСТА», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

7.

99 лет тому назад, в июне 1871 года, американское экспедиционное судно «Поларис» покинуло бруклинский порт в Нью-Йорке и взяло курс на Северный полюс. Он и был целью этого плавания. Однако судно не вернулось. Плавание встретилось в арктических водах с огромными массами льда, и руководитель экспедиции Чарльз Фрэнсис Холл принял решение возвращаться назад. На северо-западном берегу Гренландии, примерно в 800 километрах южнее полюса, он нашел бухту, куда заселился...

Судно «Поларис» и научный руководитель экспедиции предложили уйти еще южнее для большей безопасности. Холл не соглашалась, и между ними разгорелся ожесточенный спор. Виновного Холла заболел и для недели спустя скончался. Ему выдумали могильу в вечном гробу на острове, и «Поларис» ушел на юг, к родным берегам.

Почти ст лет американских исследователей Арктики волновала

9.

Случайно о пребывании опасических веществ, в частности ядовитых лекарств, во Франции вмегоно отравляются 3 тысячи и

умирают тысячи человек (90 процентов — дети). Сейчас создана специальная установка с «сенсором» для хранения подобных веществ. Она сделана из прозрачной материи — именем фабрики цилиндра, разделенного перегородкой на два отделения: первое, легкодоступное при снятии крышки, заполнено белыми, но сильно изрившимися плюшевыми, которые пытаются попробовать их. Второе отделение имеет запирающее устройство, которое открывается и открыивается при наборе пределенного количества. Подсчитано, что с поступлением новой установки в продажу ежегодная экономия на лечении составит в среднем 100 миллионов франков.

«СЫНИС Э ВИ», ФРАНЦИЯ

10.

В городе Русе действует первая в Болгарии автоматизированная система единой карточной регистрации населения.

Личные и семейные карточки содержатся в специальных хранилищах, где достаточно нажатия кнопки, чтобы через несколько секунд получить кассету с нужной карточкой. Зашиврованные данные картотеки хранятся в русенском электронно-вычислительном центре. С помощью электроники можно в кратчайший срок получить точную информацию о численности населения, наличии рабочей силы и т. д. Всего за полчаса вычислительная машина устанавливает, например, число детей, подлежащих обучению, и дает список их фамилий вместе с адресами. Так же быстро и безошибочно она составляет списки избирателей.

«БОЛГАРИЯ»

вать на титул «самые массивные близнецы в мире». Несколько из своих габаритов — 23-метровых братьев — взвешивают: они нередко совершают поездки в торговый центр и даже бывают в театре.

Впрочем, сказать, кто из этих снамиков — Били, а кто — Бенин, невозможно. Установить это можно лишь с помощью взвешивания: Били весит 640 фунтов, а Бенин — 660.

«ЛАНДФ», США

12.

В испанском монастыре Монсан-нарес найдены архивные документы XV века, которые совершенно точно отвечают на вопрос, сколько стоила экспедиция Христофора Колумба к берегам Америки.

Отысканные из королевского архива письма из королевской казны 36 тысяч песет. После скрупулезных подсчетов и учета множества девальваций и ревальваций, которым подвергалась испанская песета почти за пять столетий, было выяснено, что эта сумма равна сегодняшним 500 тысячам долларов.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

13.

Ар Джеймс Харрис из военно-морского госпиталя в Сан-Диего (США) утверждает: если даже согласиться с мнением будто курение не наносит вреда легким, то бесспорен факт, причинаемый курением — кратковременные заболевания легких. Исследования показали, что курение приводит к хронической воспалительной реакции, при которой отмечается высокая концентрация возбудителей макрофагов (в пребывающей в легких содер-жимости). В среднем 47 миллионов макрофагов, у некуриющих — лишь 10 миллионов.

«САЙЕНС НЬЮС», США

11.

Братья Маккрэри из города Хендерсонсона (штат Северная Каролина) вполне могут претендовать

«СМЕНА 27

ДОЛГАЯ НОЧЬ ПАРЛЕМА

Джулиан МЕЙФИЛД

ПОВЕСТЬ

Перевод с английского
Виктора РАМЗЕА.

3

Стили был на редкость серьезным и воспримчивым подростком, хотя и тугодумом. В любом, даже самом пустячном деле он стремился докопаться до сути. Благое воображение мальчика скрашивало для него убогую действительность. Он был промодущим наинистом, лишеным хитрости, любую проблему отыскивал в лоб, а не в флангах. Смуглое профтюговатое лицо редко озаряло улыбкой. Глубокие поклоненные брови глядели из-под сплошных, словно сорванных с глаз, волос, совсем черными, смотрели на мир широко и доверчиво, но вместе с тем были в них такая твердость, что даже виндавшие виды взрослые порой ежились под его взглядом.

Первый, о ком подумал Стили, бредя по Сто шестнадцатой улице, был мастер Литтштейн, хозяин блокпассажной аптеки. Стили часто прибирал у него в кладовке и на складе мастер Литтштейн, и тот, не заплатив мальчику минимум пятидесяти центов, всегда давал целый доллар.

Стили решал обратиться к нему по двум причинам. Во-первых, мастер Литтштейн — добрык и — что счень важно — не забывает называть Стили новым именем. Во-вторых, это единственный богач — своя аптека — с которым Стили лично был знаком.

На самом деле магазином прогорел. Аптекарь пренебрегал современными методами ведения торговли, заключая сделки с коммивояжерами, вместо того чтобы самому же брать им необходимые товары. Вытеснены были непринужденные, прямые, откровенные Американцы для продажи сандвичей, мороженного и содовой воды бездействовали. Здесь торговали одним кофе, любимым напитком самого мастера Литтштейна.

Ему было уже за пятнадцать. Редкие рыжавые волосы не слушались гребенки, торчали на затылке, точно их ветром разворочило. Мастер Литтштейн давно махнул на них рукой. В крошащихся подвижных глазах, теряющихся в крупных чертах лица, сквозили дружелюбие, любопытство и общительность. Мастер Литтштейн обжал поговорил — о политике, о нравственности, о государственных реформах, о будущем, словом, о чем угодно.

Магазинчик был по обустройству пуст, если не считать негра в хорошем kostюме, примерно того же возраста, что и мастер Литтштейн. Он частенько зажигалась побояться с аптекарем, выпить чаечку кофе.

— Цветные, белые, евреи, расовая проблема! — Спор длился не первую неделю, и мастер Литтштейн уже начал выходить из себя... Вечно я слышу одно и то же. Вы на этом помешались. Нельзя ли переменить тему?

— Чего вы кипятитесь! Мы беседуем, как воспитанные люди, а вы передходите на ругани!

— Я могу не вспоминать, когда сталкиваюсь с таким опасным образом мыслей. Запомните, мой друг — мастер Литтштейн нетерпеливо застучал ребром ладони по прилавку, — существует лишь одна раса — человеческая!

— Вздор! — всхлипнул негр.

— Это благодаря таким, как вы, — продолжал мастер Литтштейн, — в мире столько ненависти. Все из-за гроховых обид, мелочного тщеславия. Выдумываете, чего я помнишь нет... Привет, Стили! — Он коротко улыбнулся мальчику и сразу снова нахмурился. — Вы живете в благословенной стране и еще недоволен! Я бы говорил, что у нас совсем нет недостатков. Но, во всяком случае, у нашего здесь есть какой-то недостаток, и то, что в других странах. Вы не станете отрицать, что цветные у нас добились много. Вспомните Ральфа Банча, Марман Андерсон, Джо Лунса. Их пример подтверждает моя слова.

Негр поднес к губам чашку с кофе.

— Чепуха! — буркнули он.

Мастер Литтштейн покрылся красными пятнами.

— Это просто глупо, — сказал он Адольф Гитлер!

Негр перехрипнулся, кофу попал не в то горло. Откашливаясь, он от души расхохотался. Мастер Литтштейн сердито махнул рукой и пошел вдоль прилавка.

— Тебе чего, Стили?

Лицо мастера Литтштейна, только что бывшее суровым и хмурым, озарила улыбка, и это придало мальчику храбрости.

— Сэр, — сказал Стили, — у меня есть одно предложение.

Мастеринне все еще сопротивлялся отходу негра.

— У вас странное чувство юмора, мой друг, — кривнул ему аптекарь.

— В том, что я сказал, нет ничего смешного... Итак, Стили, я тебя слушаю.

— Вот что, мастер Литтштейн, — И Стили торопливо наложил суть дела. Он будет убирать в кладовке, мести двор и делать любую другую работу в течение двадцати семи недель, а мастер Литтштейн пусть заплатит ему вперед, потому что Стили сильно нуждается в деньгах... Аптекарь тем временем обдумывал предложенную компанию, которой он выстrelит в ходячего соперника. Он поднялся, Стили, конечно, явственно кивал головой, но, по правде сказать, Стили его вполуха. Когда Стили замолчал, мастер Литтштейн спросил:

— Так сколько же тебе нужно?

Мальчик с готовностью повторил:

— Двадцать семь долларов.

— Ой! — вскрикнул мастер Литтштейн и скривил такую гримасу, точно Стили вогнал ему острый нож меж ребер. Теперь уже внимание аптекаря полностью переключилось на мальчика.

— Ты это серьезно?

Продолжение. Начало в № 18.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Стили кинул. Мистер Литштейн открыл было рот, но передумал. Слова только заструились у него в горле. Наконец, вздохнув, он спросил:

— Тебя сколько лет, Стили?

— Девять, будут одиннадцать.

— Ну, конечно, если тебе исполнилось десять, значит, будет одиннадцать... — Мистер Литштейн нервничал. — Разы ты не знаешь, Стили, что самый надежный способ испортить человеку настроение — это прийти к нему и попросить денег?

— Я же вернулся... — попытался возразить Стили, но мистер Литштейн поднял руку.

— Ты высказал свое предложение, теперь дай мне сказать! — И тут аптекарь приставился к себе заглядывая, мальчишко. Застывшие глаза осуждали, обвиняли, высокосноги пригрозили. Несправедливый приговор, подумал мистер Литштейн. Проглотив комок, он продолжал: — Двадцать семь долларов — не каждый взрослый зарабатывает столько за неделю. А в некоторых странах и за год. А ты, двадцатипятилетний малыш, приходишь ко мне...

— Я их отработаю! — закричал Стили. — Честное слово!

Мистер Литштейн убрал локти с привалки, выпрямился и помахал рукой.

— Будь любезен, Стили, оставь меня в покое. Уходи.

Суровость и крутость были не в его характере, но Стили сейчас ему казались, что с ним могут быть склонны, уверяя себя мистер Литштейн. Слышенное впрогноте комок, он продолжал: — Двадцать семь долларов — не каждый взрослый зарабатывает столько за неделю. А в некоторых странах и за год. А ты, двадцатипятилетний малыш, приходишь ко мне...

— Я их отработаю! — закричал Стили. — Честное слово!

Суровость и крутость были не в его характере, но Стили сейчас ему казались, что с ним могут быть склонны, уверяя себя мистер Литштейн. Слышенное впрогноте комок, он продолжал: — Двадцать семь долларов — не каждый взрослый зарабатывает столько за неделю. А в некоторых странах и за год. А ты, двадцатипятилетний малыш, приходишь ко мне...

— Итак, — заговорил тот, — вот что я хотел сказать, когда вы набрасывались на меня с оскорблением.

— Никто вас не оскорблял, — перебил мистер Литштейн, — правда глаза колят!

— Итак, — повторил негр, придвигая к себе чашку, которую аптекарь снова наполнил кофе, — Нью-Йорк управляет евреи, итальянцы и ирландцы. Это всем известно, но когда я говорю об этом, вы называете меня Альфонс Гитлером.

Если не ошибаюсь, нынешний прокурор Максимена такой же цветной, как и я. А ведь это же величайшая выборная должность!

— Да, это так, и мы этим гордимся. Но если в коем веке негр получает посты, вы, белые, похлопываете друга друга по спине и умилаетесь: «Ах, какой прогресс!» Вы преувеличиваете значение единичных фактов. Этого всего лишь новая витрина старой, грязной политики. Городом управляют те же люди, что и прежде.

— ...вы политический клеветник, проповедник ненависти, расист и сумасшедший...

Опять ругань.

— Хуже того, вы цинки, глумящиеся над прогрессом. Ваш народ живет сегодня лучше, чем когда-либо. Но люди вроде вас вечно чешутся недовольны. Они ворчат по привычке, рубят сноп, на котором сидят.

Негр снова захахал. Мистер Литштейн наступил. Метин взгляд в конец привлекла, он увидел, что Стили сидит. С облегчением вздохнув, он винзапно положил руку негру на плечо и тоже рассмеялся:

— Друг мой, у вас есть странное чувство юмора...

«Парень — козёл!» — говорили о нем не только в Гарлеме, но и в других районах города. Одавался Леденец по последней моде, на безымянном пальце носил перстень с огромным красным камнем. А прическая! Волосы распрымлены горячими щипчиками и уложены волнистыми при помощи специального состава. Стрижка «под белого» стояла утюг денег, но Леденец всегда выглядел так, словно только что от парикмахера. Отнюдь не вредил его привлекательности и длинный черный «эйрплэйсер» с откладывающимися верхом. Если Леденец был в хорошем настроении, а оставаясь на подъезде, он подражал заставить пять центов котом-либо из мальчишек стожорить ее. Частенько этим мальчишкой оказывалась Стили.

Два раза на глазах у Стили поспешилые уводили Леденца в наручники. Все обходится, хором предсказывали соседи. И действительно, через несколько часов Леденец возвращался как ни в чем не бывало. Однажды он послал Стили отнести сверток на соседнюю улицу и отвалил за труды целый доллар. Верчаясь с мальчиком, всегда останавливалась перекинуться словечком. Говорили они главным образом о белобоком подростке, который, как полагала команда мальчишек, собирается спрятать ее на чехол. Иногда Леденец сам в «эйрплэйсере» Стили и его друзоков и вез их на стадион. Он угощал мальчишек жареной курицей, сосисками и содовой. Неудивительно, что Стили был без ума от Леденца. Как же он сразу о нем не подумал?

Леденец один занимал квартиру, состоявшую из двух комнат и кухни. Недавно он сделал в ней ремонт, поменял обстановку и купил телевизор в ящике из красного дерева, под цвет мебели. Отперев дверь и увидев Стили, Леденец расплылся в улыбке:

— Заходи, друг!

На кухне, на кухонной ручке на животе и зябких губах, лежала смуглая мило-видящая девочка, которую Стили несколько раз видел в «эйрплэйсере».

По дому пришел! Я к вам услугами! — Ульбаясь, Леденец обнимал свирепящий ряд золотых коронок. Это было ульбка довольного жизнью, преиспускающего молодого человека, по-семейному коротавшего вечерок в обществе подружки.

— Одолжи мне двадцать семь долларов, — выпалил Стили без предисловий. — Я обязательно верну!

— Чего-чего?

— Дай мне взаймы двадцать семь долларов.

— Черт возьми! — ошарашено воскликнула женщина, приподнявшись на кухонье.

— Послушай, Стили, — зановились Леденец. Ульбка бесседно исчезла с его лица. — Кто тебе прислал? Ни с того ни с сего спросил Леденец и нервно захихикал. — Ха-ха, вот это была игра!

Но Стили было не до белобока. Он уже понял, что друг предает его. Стили ничего не ответил, и в комнате повисла тяжелая тишина.

— Сколько тебе лет? — нарушил молчание Леденец.

— Десять! — отрезал Стили, как бы говоря, что его возраст совсем к делу не относится.

Леденец поверз в кресле и наконец, придумав что-то, сказал звонким голосом:

— Слушай, парень, если тебе нужен доллар, чтобы сходить на завтрашний матч, пожалуйста!... — Он засунул руку в карман брюк и вынул долларовую бумажку. — Держи!

В этот момент их взоры встретились, и Стили не отвел глаза. Мальчик не хотел брать доллар, но в короткой светлой привычке одержала верх над чувством собственного достоинства. Стили протянул руку и опустил доллар в карман. Это не сознание, однако, что он готов поступиться в главном.

— Видишь ли, — сбивчиво продолжал Леденец, досадуя про себя на то, что приходится объяснять совершение очевидные вещи, — таких денег у меня при себе нет. В Гарлеме опасно ходить с наличными, тут же знаешь.

— Знаю, — буркнул Стили, повернулся и пошел к двери, заронив в сердце обоих взрослых смущенное беспокойство.

— Смеши малыши, а? придя в себя, пробрормотал Леденец.

— Да — отвечал звонкий голос Стили, смущенный.

— Двадцать семь долларов! — Леденец, как-то вдруг засмеялся. — Будь в пролете, если понимаешь, куда этот мир идет!

Он скромно покачал головой, налил в стакан виски и, не разбавляя, выпил.

Стили блед без цели, грустно потупив глаза. Время от времени он сердито поддавал ногой валившайся на тротуаре хлам. По мостовой колоннами по четырем маршировали школенцы в белых взаимных голфах, подковки на каблуках выбивали нервную дробь. В глазах девочек плысли неоновые огни. Пражские сворачивали в сторону, уступая им дорогу. Скрипучими юными голосами девочки пели:

Моя баба не танцует мамбо,
Моя баба не танцует мамбо,
Понищу себе другую...

Стили спирнулся на Ленокс-авеню. Люди лгуны и притворы, думали мальчики. Звать хоть Леденца. Стили считал его другом, а оказалось, зря! Друзья приходят по помочь, а ты сам пригрозил своей «эрэйслер»! И на бейсбол с ним Стили не пошел! Впереди он будет осторожнее в выборе друзей...

Мальчик вспомнил, как впервые попал на бейсбольный матч. Было это так давно, что до этого вообще, наверное, ничего не было. Отец, сверкая белками глаз, проводил свой излюбленный ху, однако Стили увлекся и ушел в глухую зскую. «Ай да парень!» — одобрительно вскликнул Поль. Тут Стили бросился в контракту, и отец запросил поздравления:

— Постой, старик, Мне расхотелось драться. Лучше скажи мне: ты когда-нибудь слышал «Джеки Робинсон»?

И Поль, как мальчик при эту звезду бейсбола, первого негра, до-пуштующего в высокую лигу,

— Так вот, друзьяне. Завтра мы склоним посмотреть на него. Увидишь, на что способен черный человек!

Чтобы попасть в Бруклин, им пришлось пересесть в метро весь город. Но Франклинов-авеню они пересели в вагон надземки и доехали до Эббетс Филд. Принял нас к окончанию стеки, Стили глядел на прыгомутые крыши газон-серые домов. Родители всю дорогу спорили о нем, и Стили проигрался неведомым чувством собственной важности.

Группа мальчишек приводила себя в порядок. — Папа, мама, — нечего забывать ему голову везде дурью. Все жили спущу одно и то же: рада, цвет коки! Насколько мне известно, никому эти разговоры добра не принесли.

— Дурью! — переспросил Поль таким пронзительным и свирепым голосом, что несколько пассажиров обернулись.

— Не кричи, — сказала Мэй Браун, и он продолжал напреженным шагом:

— Мой сын негр и пусть гордится этим. В школе их обзывают, так что это наше с тобой дело открыть мальчику глаза. У белых полно героев — Джорджа Вашингтона... Петра Генри... Все они белые. У черных детей должны быть хорошие герои. Если они узнают про наше прошлое, то научат верить в будущее.

— Горе от этих героев! — сухо перебил его Мэй Браун. — Я хочу, чтобы он просил такими, как все дети, чтобы ты оставил его в покое, вот и все. Ты напоминаешь моего деда. Старик так лютил ненавидел белых, что даже рехнулся. Белые всегда были наверху, а он не мог с этим примириться, вот и вследом от неизвестности. Столько ему прочесть в газете, что белый обидел черного, так три дня ему кусок ноги не лез в горло. Он сморшился и высок от злобы. Когда он умер, то у него был такой вид, точно его отравили ядом.

— Просто у деда было немножко гордости, а вот у вину этого не скажешь.

— При чем здесь гордость! — буркнула Мэй Браун и отвернулась к окну, показавшим, что разгорев закончился.

Когда команда выбежала на поле стадиона Эббетс Филд, Стили увидел, что отец говорил правду: Джеки Робинсон действительно был негром.

— Вот он! Вот он! — кричала Мэй Браун, лупая сына по спине. Джеки открыл счет, и Поль, вскочив на ноги, завопил на весь Бруклин.

— Поль, Браун, если ты не прекратишь плясничать, я увезу детей домой. Соседская собака...

— Ну, умеет он играть или не умеет? — Поль счастливо улыбался. — Я тебя спрашиваю, Мэй. Умеет или не умеет?

— Наверное, умеет, — холодно ответила мама. — Это же платят.

— Господи, Мэй! — возмущенно вскликнула Поль. — Как ты невежественна!

— Еши бы, я же не проторчал всю жизнь в коледжке! — грубо и плоско сказывала Мэй.

Уже Лишила воображения — куда ей до Поля Брауна!

В то лето Поль Браун, которого было не меньше, но Мэй больше, ни разу не видела с ними. Один Браун билеты на открытую трибуну и стояние места. Поль вскоре следил за каждым движением Джеки Робинсона; для него игра Джеки не была просто профессиональным мастерством бейсболиста, «Как он подает с третьей базы!» — кричал отец, обиваясь рукой плечи мальчика и притягивая его к себе. — Но спуск с него глаз. Смотреть на его игру — одно удовольствие. Каждый раз он превосходил самого себя. У него особая нагружа, он не щадит сил. Черным людям нельзя расслабляться. Запомни, Фред, нам ни за что не ныть сдаваться, ни за что!

Потом Поль Браун вдруг срываля с места и вопил: «Вот он, вот он!» Весь стадион, тридцать тысяч зрителей вставали на ноги. На полях свалка, обласка пылью. Но тут ферты противились руки ладонями книзу: Джеки Робинсон увеличил счет, вновь доказав, что не зря так верят в него Поль.

Часы на углу Сто двадцатой пятой улицы показывали восемь. Стили вспомнил о встрече с Мэй. Помимо кармана, он вытащил доллар, который ему дал Деденец. Доллар все равно не спасет, решил Стили, узелковый многослоговый людским морем. У входа в закусочную он остановился, засмотревшись на сиюющих официантов. Потом вошел, взобрался на высокий табурет и заказал сокис и апельсиновый напиток.

Напротив него сидела крошка женщина с круглым смешным лицом. Толстые стекла очков в несколько раз увеличивали ее маленькие прозорные глазки. В одном руке она держала надкусанный сандвич, в другой — раскрытым журналом. На привале перед ней лежал черный, под кожу, кошелек с бронзовыми монетами. Невольно подумал, может ли в нем оставаться доллары. И как раз в этот момент женщина оторвалась от чтения, ее глаза встретились с глазами Стили. Она протянула руку к кошельку и переложила его на колени.

Скорее всего одно было связано с другим — этот взгляд и то, что она убрала кошелек. Но маляр ясно осознал ход собственных мыслей и звонко рассмеялся. Быстро вытерев сапфирной губы, он слез с табурета и поспешно затерялся в потоке людей, несущемся вдоль Сто двадцатой пятой улицы.

4

Нельзя сказать, что мысль о краже пришла Стили впервые. Старшие Ко-манчи нередко занимались воровством. Но Стили и подумать не мог, что когда-нибудь сам на это отважится. Отец часто повторял, что один неправильный шаг может изгородить всю жизнь. Если Стили уплектут в исправительный дом, не вырастет из него ни Туссен Льюперт, ни Фредерик Дуглас. Кроме того, мужчины сумоны не носят. Стили не считал зазорным обидеть девушки, но и женщины — это совсем другое дело. Одним словом, Стили знал, что даже еще не воровал.

Но и в двадцати семи долларах на том никого не нудилося. Теперь маляр впервые за свою короткую жизнь столкнулся с простой, но важной истиной: плохо человеку, если у него нет денег. Они на дороге не валяются, их не выпрыгивают в двери, даже у хороших друзей. Особенно трудно их раздобыть, когда все сильнее в них нуждаешься.

Так или примерно так думал Стили. События этого вечера поколебали его прежние взгляды. Слов нет, воровать. Но ему нечего было отдать. Семьдесят семь долларов — это не мало. Ребята, живущие в его квартире, не раз заставляли у прохожих сумоны, и им пока все складывалось в руки. Они вспоминали, что умеют быстро бегать. Субботний вечер, говорили они, самое подходящее время, в сумоше может оказаться недельное жалованье.

Все складывалось удачно. Бегал Стили быстрее любого из похитителей. И сегодня суббота. Он пойдет на это в первый и последний раз, только для того, чтобы вернуть маме деньги.

И все-таки Стили колебалась. Правда, его понятия о нравственности менялись на глазах, но сам поступок нагонял на него страх. Он берет по Сто двадцатой пятой улице, уходит в сторону Команды Красных. Было две часы вечера. Магазин Блукстона давно закрылся, продающие и служащие разошлись по домам. В соседнем универмаге тоже погасли огни, надежно заперты двери. Из галереи доносился звон лязгальных автомобилей и потрескивание электрических ружей в тире. В театре «Аполлон» выступала труппа Лакки Милленинера. У входа мужчины и женщины разглядывали фотографии обнаженной танцовщицы. По главной гарлемской магистрате, урчи моторами, катились такси. Пешеходы, застинутые посредине мостовых двумя потоками транспорта, при первых возможностях смело швыряли к тротуару, как солдаты в бою. Сумоны — это нечто иное, чем «ничейные земли». Через дверь от театра Аполлон к побеям идя, Стили услыхал звуки негритута. Маленькие музыканты играли невероятный шум из барабанов, бубнов, кухонных плюшек и при этом кружились, кувыркались, подпрыгивали.

Терпкий запах удариł Стили в нос. В ларьке на угле Восьмой авеню жарили рыбу. Здесь толпились расфранченные молодые люди. Они, словно притянутые, разглядывали шествующих мимо бронзовыми, золотистыми нарядными девушками, отпускали им вслед сальные комплименты. Парни вспомнили, что перед другом своим победами, чистым бахвальством выдавали несбывшиеся мечты, а сейчас, наоборот, смирились с тем, что не могут достичь даже мостовой паддачи из киевской пивоварни по имени Франца, подобно высокодорогой пастасузе, кинулся белым достоинством. Вот и Сент-Николас-авеню, вспомнил Стили, простиупит, суетеров, водителей такси. Мальчик подошел к выходу из метро и остановился.

Нужно работать, — Стили вспомнила отцовские слова с Лестером Беннетом. Они познакомились в юридической школе. Лестер Беннет был гладким, ульбачатым, светлокожим негром с негроминым голосом и магичными манерами. Поль, Мэй и Лестер, затворив дверь, доподлинно засиживались во второй комнатах. Стили видел только свою часть комнаты. Стены были обшиты деревом и имели много рельефных элементов. Воротники говорили о неграх. С него бы разговор начался, вскоре он сворачивая к обычной теме. Голоса переплетались в темноте, ленивый смех сменился взволнованной речью. Стили помял каждое слово, стараясь проникнуть в смысл спора. Он чувствовал себя в центре бурилущего водоворота, ведь он негр, и отец его негр, а выходит, негры самый главный земель народ.

— Действовать следо! — без конца твердила Поль Браун. — Мы всего боимся, колеблемся, спрашиваем себя: а как это отразится на положении всего народа? Что за наказание! Сколько лет еще нести эти проклятия! Джек Джонсон, вот это был человек. Плевал он на то, что подумают белые, и они на сей день его не ненавидят.

— Насколько мне известно, — вступала в разговор Мэй, — он был просто бессмыслицей.

— Немного же ты знаешь...

— Почему Поль не может говорить сидя? Сядь, мы и так тебя слышим.

— Он пьян.

— Я пьян, но я прав. Дай мне закончить, Лестер. Мы получали свободу по чайной ложке, сам знаешь. Мы стояли на задних лапах, а они вертились перед нашим носом великим американским мифом: «Будьте пиньками, не делайте шума, мы мысли публиками. Так и не так!»

— Так. Ну и что из этого?

— А то, что хватит с нас сказкой! Я всю жизнь мечтала стать стопроцентным американцем. Но теперь мне расхотелось. Стопроцентных белых американцев неизвестно весел много. Если бы я хотела, я бы стала им. Поэтому нам надо жить в мире. Наша действительность реальная, смешная. Поэтому нам нужны люди — политики, адвокаты, гангстеры, нахочки.

Мне раньше это не приходило в голову. Действительно, почему черные не грабят банки?

— Всё, ребята, совсем разнуздились, и меня клонит в сон.

— Ложись, Мэй. А мы смеяли отправиться в бар на углу и смело опрокинуть по последней. Я обычно, в темы не прав. У тебя чувства заглушают разум. Ты забываешь, что в этой стране полны-полно белых...

— Рад бы забыть, но они умеют о себе напоминать!

— Продолжим с баре, Скоопиной ночи, Мэй.

Мужчины пересекли проходную комнату, где лежал Стили, потом хлопнули входной дверь. Мальчик долго всорочился, ссыпал переварить ушишанин...

К плану, который разработал Стили, не придралась бы и опытный юристка. Сумочка должна быть без ручки, женщины держат их пальцами за край. Необходимо дождаться, чтобы поблизости не было полицейских и прохожих, стало помешье. Он даст женщине отойти на несколько шагов от метро. Это позволит ему набрать скорость.

У газетного кiosка в окружении пассажиров громко переговаривались шоферы такси. Зленоватый свет ламп метра падал на их усталые, сонные лица.

Где же больше бравых! — вдохнул мрачный пожилой негр в широкий кепке. Я подъехал к стоянке засветло и до сих пор не продвинулся в очреди.

— Большие мальчики не сунутся в Гарлем ночью, — отозвался молодой верзил, зыркнув маленькими глазами.

— И можно понять, — вступила третий, — Гарлем словно с цепи срывается по субботам. Удивительно, что к воскресению кто-то еще остается в живых.

— Больные такие же, если не хуже, — сказал верзила.

— А я, — подал голос круглоголовый толстяк. — Больные напиваются, держутся и строятся, но горд, свидетель, на такой бедам, как бывает в Гарлеме, они не способны.

— Просто они не умеют веселиться, как мы.

— По-твоему, это веселье, а по-моему, сущий бедам!

— Гарлем — для черных, — подал голос юноша, — и белым здесь делать нечего. Вообще мне их жаль, обидел их господин, баг.

— Это точно, — согласился верзила.

— Оба вы расисты, — рассмеялся толстяк. — Это превратство... — Тысячи голосов, — продолжал юноша, — включая голоса Блукстона, которую он не вынимал из рта, загодя вверх вниз. — Предрасудок — это когда заранее составишь мнение о чем-то, чего не знаешь. Я в слове смотрю руку. Ну вот, мне падает на семя лет, всю жизнь я имел дело с белыми, кому же о них судить, если не мне?

— Папаша, тебе чебе такие насолили? — спросил толстяк.

— Да ничего! Я всегда держался от них подальше и к себе их не подпускал.

— А как, по-твоему, кто из них хуже всех? — понтересовалась верзила, щурясь от табачного дыма.

— Это я, конечно, черт их возьми! — с раздражением ответил пожилой.

— Все полицейские одинаковы, и белые и черные, — сказал толстяк.

— Я имею в виду национальность, — уточнил верзила.

— Понятно, сынок, сейчас отвечу. — Пожилой говорил медленно, придав большое значение каждому слову. — Итальянцы — гангстеры, евреи — пройдохи, ирландцы — тупицы, но все они живут припрятаны.

— Глупые всечеги, — прорычал толстяк. — Не умеют уходить от проблем, а тут стоять и сидеть.

Громко пребывая впереди, доподлинно из-под земли, положил конец беседе. Водители вернулись к машинам, их тут же разобрал пассажирки. К стоянке подкатили другие такси, новая группа водителей столпилась у кинотеатра. Эти были моложе и загорвали о женщинах.

Стили все ждал. В tolle, хлынувшей из метро, была одна подходящая сумочка, но он долго колебался и упустил время.

В новом потоке людей Стили заметила низенькую, полуподчиненную сумочку в цветастом платке. В руке она скимала низенькую сумочку.

Стили сорвалась с места. Она мчалась к водителю, который в этот момент парковалась с машиной, и вспомнила, что сумочка в его руке.

Женщина увидела лишь маленькую темную сумочку, мгновенно исчезнувшую из фильтра. Прежде чем она сообразила, что произошло, Стили свернула за угол и побежала на запад, к Сто двадцатой шестой улице. До него донесся крик, но он уже был далек.

«Ура! — ликовал про себя Стили. — Победа!»

Улица была почти пустой, никто не обращал на мальчика внимания. Все прекрасно, думал он, что значит действовать решительно.

Стили остановилась у первого кинотеатра. Водитель, сидевший в багажнике, бухнулся по тротуару перед членом погромщиков. Стили поборола желание развернуться и наложить на него руку.

Стили резко остановилась и спрыгнула с тротуара. Тот, кто глядел за ним, не успел заторчать и проскочил вперед. Потом повернулся и ринулся на мальчика. Это был грузный негр средних лет.

— Иди-и сюда! — запыхавшись, приказал он и поднял руку, точно гипнотизируя Стили. — Давай сумочку!

Внезапно он бросился к Стили, но тот был начеку. Мальчик юркнул назад на тротуар и помчалась к кинотеатру. Стили направилась к двери.

Стили всхлипнула на Старый Бродской, с него повернула на Амстердам-авеню и смешалась с праздной субботней толпой. Сердце гулко билось, но теперь он был в безопасности. Сумочка в кармане брюк, бедром он чувствовал ее.

Но в ней было пусто. Он заглянул в сумочку, укрывшись от любопытных глаз на темной площадке для детских игр. Ничего похожего на двадцать семь долларов. Две сияющие долларовые бумажки, губная помада, карандаш для бровей, пачка жевательных резинок. И еще письма, бумажные салфетки, ключи, документы. В общем, всякий хлам!

Засунув два доллара в карман, Стили сердито швырнула сумочку через забор.

Опять надо было уносить ноги, и он побежал, несмотря на усталость,

на склону холма, на восток, к сердцу Гарлема, подальше от сумочек, от плодошадки для игр, от места, где его постигло острое разочарование, новая неудана. Он был уверен, что в сумочке окажется ровно двадцать семь долларов, цент в цене. Если бы не такая нужда, разве стал бы он рисковать? Он бежал, а голове вихрем кружились мысли. Стили представил, как ляжет мама, что его до сих пор нет. Подумал о том, какие новые испытания готовят ему эта ночь. Горческое возбуждение охватило все тело. Добежав до церкви на Сент-Николас-авеню, сложенный из массивных гранитных плит, он остановился и присел на ступени, чтобы передохнуть и прити в себя.

5

Стили вскочил в автобус, идущий к центру, и сел у открытого окна. Высунув голову наружу, он рассеянно глядел по сторонам. Мысли его были далеко, в глубоких тайниковых памяти. О мире за окном автобуса мальчище не думал, он там и так все знал. Этот мир раскачивал надежды, черные и белую половины. Междудушко, вспомнил он, вспомнил, Стили повесил голову, опустив ее в свою пропасть. Белые пока что берут верх, но это временно. В конце концов победят негры, и Стили внесет немалый вклад в окончательную победу. Все так просто, тут не над чем ломать голову.

Но в личных делах он совершенно запутался и не знал, как выкарабкаться. Прошlo уже несколько месяцев, как Полъ исчез, а Стили еще не отреагировал на потрясение. Во всем, что произошло, не было смысла. Все объяснения, приходившие ему в голову, были неубедительны, они не устраивали его, болезненное ощущение потери не проходило. Он пытался заставить себя разлюбить отца, но это показалось ему не возможным. Мальчику родители пропали из жизни, он не научился еще обдумывать себя. Он пытался разобраться, разобраться, задавал себе множество вопросов, но ответа не находил. Однажды боялся пронизывала душу. Он любил отца больше всех на свете. Но тот не посыпалась с любовью сына, растоптали ее.

Стили не мог с этим примириться. Само собой разумевается, что мальчик любил родителей, и они всегда платили ему тем же. Почему между отцом и матерью нет подобного чувства? Выходит, взрослые любят иначе, не так крепко.

Одиночество усугубляло страдания Стили. Ни одна живая душа не могла занять место Пола в его сердце. Истинно поклонился ему, что даже мама не могла занять место, ни обращаясь к ней за помощью. Он любил маму, но честно не находил в ней общего языка. Мальчик смотрел на мир глазами отца, во всем ему подражал, думал, как он. Ни один герой не мог посвятить авторитет Пола. Когда отец исчез, мальчику показалось, что он остался один на свете.

Лихорадочно размышляя, Стили открыл еще одну важную истину: слова у взрослых расходятся с делом. Внезапно его вера в отца пошатнулась. Когда Полъ Браун восторгся негритянскими героями, Стили глядел на него широким открытым взглядом, глаза его блестели, а лицо светилось. Но теперь Стили с горечью признался, что они не поступали бы, как его отец. Неужто он разочаровался в Поле? Мальчик гнал от себя эту кощунственную мысль, но она упиралась в затылок. Он не мог больше закрывать глаза на растущую пропасть между словом и делом, между идеальным и реальным фактом. Вот почему он безоговорочно осудил мистера Литтлхита и Ледиенса, и, не дрогнув, выкинул их из сердца.

Но как быть с отцом? Стили вспомнил ночь, когда Полъ возвращался домой под угрозу. С лестницы доносились его неверные шаги, поскрипывали перила. Добравшись до конца лестницы, он долго блеял по темному коридору, громко, громко, пока несильно бормотал. Справившись наконец с зевком, он тотчас умолкал: боялся разбудить детей, краялся во вторую комнату. Притворясь за собой двери, начинял раздеваться. В темноте вдруг возникла сухой, суровый голос Мэй.

— Мог вообще не приходить!

— Господи, что за женщина! Когда ты только спишь? — Полъ с трудом ворочался, языком. С тяжелым вздохом он садился на кровать, брекали под ботинками.

— Вы — вы не занимаетесь, а спите!

— Да, да, нас никто не слышит.

— С Лестера берешь пример? — Голос ее начинал дрожать. — Он молод, беспечен, А у тебя семья?

— Знаю, нечего мне напоминать!

— Не давай повода!

Наступала короткая напряженная паузка. Потом, как молния, голос Мэй разнесся темнотой:

— Ты пускаешься с женшинами, Полъ!

— Ох, нет!

— Не бойся! Вы с Лестером им плахте, да?

— Послушай, Мэй, — перебила ее Полъ, переходя на крик.

— Не ор, дате разбудиши!

— Тогда заткнись! — сипрело шептал Полъ. — Уже и выпить нельзя. Ну, хватит читать, читай с того что! Прихожу домой и сплюсь всякие гадости. Тебе не стыдно?

— Стыдно, Полъ.

— То-то же!

Тишина вновь наполнила квартиру, оба выжидали.

— Полъ!

— Ну?

— Что с тобою происходит? В школе неприятности? Говорят, на первом курсе особенно трудно...

— Чепуха, не труднее, чем я думал.

— Почему ж ты пьешь?

Полъ молчал.

— Что ты с нами делаешь, Полъ?

— Мне не хочется разговаривать. Я устал, пьян, хочу спать. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, Полъ.

Стили долго ворочался, зная, что родители тоже не спят. «О чём они думают? — гадал мальчик. Он пытался представить великих негритянских героеv наследства, но из этого ничего не получалось.

Таких ночей было много, они спливались в его памяти, вызывая недоверие и горечь. Но одна ночь отличалась от других, она оставила в душе Стили неизгладимый след. Случилось это в конце учебного года в адвокатской школе

но. Мальчика разбудили голоса. Они доносились с лестницы крепко спящего дома.

— Куде теперь, Марки?

— Вроде сюда. Ни чата не видно!

— Их квартира в конце коридора.

— Давай, старик, давай! Уже близко.

— Тяжелый, дядюшка!

— бедняжка Паулюс! Осторожней, вы...

— Помолчи, Вики, хриса ради! Незачем было всем переться, особенно Вики.

— Ну и воняет здесь!

— Как же, эта дверь.

— Она самая.

Громко постучали. Удары эхом отдались в сердце мальчика. Стили сел в кровати, ловя пот в глазах. С тех пор, как проснулся, он лежал не дыша. Во второй комнате зажегся свет, и через мгновение вышла мама, запахивая халатик, и сказала: — Эйрэн Эйрэн тогда еще не родился. В ее глазах зияла какая-то испуг.

Иду, нау! — крикнула она, направляясь к входной двери.

Кроме отца и Лестера Биннета, все они были белые. Худощавый блондин в очках и Лестер поддерживали Пола, безжалостно повисшего на них на плачах. Позади стояли три женщины, электрический свет подчеркивал белизну их лиц. Глаза с непрекращающимся любопытством заметались по тесной комнате, упали на Роби, свирепевшего в калачик на кровати у противоположной стены, перескочили на хлудрого, наступающего Стили.

— Извини, Мэй, что беспокою в таком часе, — начал Лестер, — мы решали, что все же лучше отвести Поля домой.

— Паулюс... — поправила одна из женщин. — С каких это пор он стал Полем?

— О господи... — простонал Лестер.

— Вики, заткнись! — одернула ее блондин.

— Несите его сюда, — сказала Мэй Браун.

Женщины последовали за ней, и Стили слышал, как они опустили отца на кровать. Женщины вошли теперь в комнату.

— Бобби, ну и конкурс! Не удивительно, что Паулюс...

— Вики, — сказал старик. — Скем известно, какая ты дрянь, — перебила ее кудахтующая блондинка. Трескис на поруции заваленного детской одеждой кресла, она длинными пальцами поправляла прическу. — Ну и венерок! Голова будет трещать неделю.

— Мальчик, Паулюс — твой папа! — обратилась к Стили женщина, которую звали Вики. Накрашенный рот широко улыбался, обнажив ослепительные зубы. Стили не нравилась эта улыбка, и он решил не отвечать.

— Если бы я был скулптором... — не унималась Вики, — я бы изваяла твою головку в бронзе. Что ты на это скажешь?

Стили ничего не понял. Он свирепо глядел на женщину и моялся. Вернулся лишь Лестер и блондин.

— Бобби, Мэй, это мы виноваты, — говорил Лестер. — Поль, порывался подхватить блондинку, но знаешь, как выывает, когда пьешь... — мы его просто не отпустили.

Белые хором подтвердили слова Лестера. Стили никогда не слышал, чтобы Лестер говорил так громко.

— И я вдруг как гром среди ясного неба, — пискальям вынужденный голосом подхватил блондин, — бедняга Поль валялся с ног! Правда, это наша ошибка, Поль не прыкал так много пить...

— Мне хотелось утешить Паулюса.

Марки, блондинка из кухни, которую звали Вики, долгими, чужими, тяжелыми взглядами, так, будто давно ее знала и всегда ненавидела. Вслед за мамой и Стили на нее уставился. Красивая, прямо киноактриса. Только все равно Стили испытывал к ней неприязнь.

— Утешить! А что у него за горе? — спросила Мэй Браун ровным голосом.

Блондин засуетился, полопну руки Вики на плечо и сказал:

— Ну, падно, пошли.

Но та точно не слышала.

— Ради бога, не слышите, что Паулюс исклончив?

— От! — выразила это Мэй приглушенный стон.

— Нас всех прогнали... — пролепетала Вики. — Но мне наплевать. Я дурка вялая, а Лестеру тоже все равно. Из него не вышел бы дракорт. — Она обвела попутников презрительным взглядом и почкала головой. — Из нас вообще ничего путного не получится. Иное дело — Паулюс. Как он мечтав окончить школу! Он делился со мной, потому что я умею слушать.

— Ну что же, спасибо за известие, — сказала Мэй тем же ровным тоном.

— Не стоит благодарности! — Вики резко повернулась и едва не упала, но блондинка подхватила ее и повела к двери.

Кивин, Мэй, за все, — сказала Лестер, задержавшись. — Ты знаешь, как Поль сренился...

— Ты говоришь о нем так, словно он умер.

— Извини, — повторил Лестер, повернувшись и выбежал из комнаты. Мэй Браун заперла входную дверь и застыла, прислушиваясь.

— Вики, мерзкая! — раздражался голос Лестера. — Убить тебя мало!

— А что я такого сделала?

— Ты, мильчика, была верна себе, — сказала одна из женщин. — Этого мы и боялись.

Вики в ответ вдруг громко запела:

— «Мы шесть заблудших неудачников,

— Ба, ба, ба!»

— Кому говорят, заткнись!

— Кто-то спотнулся.

— Хоть глаз выколи!

— И дищать нечем!

— Настоящие трубычцы!

Когда они спелись по лестнице, и голоса стихли, Мэй Браун стала прислоняться спиной к двери, прижимая руки, точно ударила в грудь. Понукала, свет погас. Но Стили успел разглядеть выражение безграничной тоски и горя в ее карих глазах. Мэй пропала в свою комнату, затворила дверь, и Стили услышал слабый стон и всхлипывание. Но слезы не облегчили ее муз.

Окончание следует.

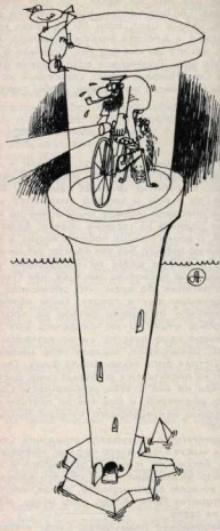
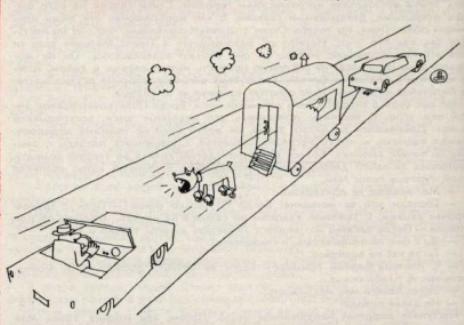
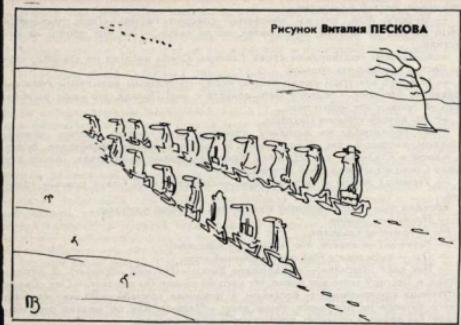

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

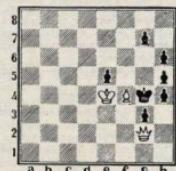

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

НЕОБЫЧНЫЕ ПАРИ

Однажды (это произошло в последние годы) в шахматном клубе повстречались Вильгельм Стейнин и Самуэль Лойд — величайшие мастера древней игры официальный Чемпион мира и замечательный композитор, шахматист, писатель, автор фантастически эффективных задач. Лойд выиграл у Стейнина один из самых знаменитых матов. Композитор взялся за без предварительной подготовки решить задачу, которую чемпион мира должен был тут же решить. Выиграв у Стейнина, Лойд затрачивал меньше времени.

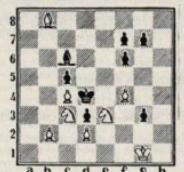
Выиграв пущеные контрольные маты, Лойд предложил дать десять минут Стейнину найти решение следующей задачи:

Белые начинают и дают мат в три хода.

Лойд виноватески писал, что эта задача не очень трудной для решения, но надеялся, что многочисленные варианты, возникавшие на первом и втором ходах, потребуют значительного времени для их нахождения. Легко понять его опасения, вспомнив, сколько времени потребовалось, когда по истечении всего пяти минут Стейнин представил решение на эту задачу: 1. f6! g5 2. Фf1! и 3. Фf5 × 1... h3 2. f6! g5 3. Фf5 × 1... g5 2. Крd5! (не пранда ли, красавый вариант!) h3 3. Фg4 ×.

Пришло время Лойду скрыть сердце, примятое свое побежденным соперником на несколько месяцев, и ему удалось извлечь реванш. Он представил Стейнину задачу, которая раз и навсегда изменила, причем неизвестно какого-нибудь варианта расщепившегося как пригороды пари.

Белые начинают и дают мат в четыре хода.

После полуторасорока раздумий Стейнин предложил такую наану решения: 1. Сб и затем, независимо от ходов черных, 2. Сб, 3. Сг и 4. Сс × f6 ×. В случае же 1... g5 2. Сe7 мат дается даже ходом раньше.

Однако Лойд предложил чемпиону мира еще подумать над задачей. Погратив головами, Стейнин заявил, что больше никаких вариантов он не видит.

Не скрывая радости, Лойд показал гонку, запасенную им после 2. Сб? g2 3. С:г7 получивший спасительное слово, что черный слон отдался, и 4. Сс × f6 ×. Утром (утронояло 3. Кб5 ×) 3. Сe7 с неожиданным 4. С:г6 ×. Известно, что Стейнин не знал скрытых вариантов и не заметил первый чемпион мира Вильгельма Стейнина.

БАЛЛАДА О ГИТАРЕ И ТРУБЕ

Слова Юрия ЛЕВИТАНСКОГО
Музыка Яна ФРЕНКЕЛЯ

Две дороги стены, а кругом ковыли.
Там гитара с трубой разговор завели.
Начинала гитара: «Та-ра, та-ра-та, та-ра...»,
«Тра-па-па-па, па-па!» — отвечала труба.

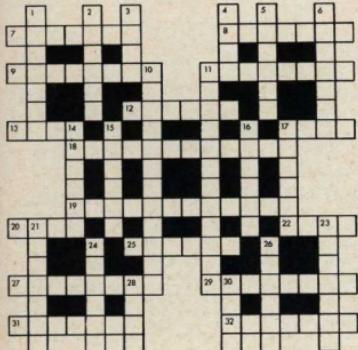
Сколько было привалов, сколько было атак —

Всё гитара с трубой не погадает никак.
Начинает гитара: «Та-ра, та-ра-та, та-ра...»,
«Тра-па-па-па, па-па!» — отвечает труба.

А две путь, две пути, что пониме плеча,
да одна в гитариста, а одна в трубача.
И вздохнула гитара: «Та-ра, та-ра-та, та-ра...»
«Тра-па-па-па, па-па!» — отвечала труба.

Две дороги стены, только ветер в упор.
Все гитара с трубой не кончается спор.
Две дороги стены, две тропы — две судьбы.

И нельзя без гитары, и нельзя без трубы.

КРОССВОРД

Составил В. АНДРЕНСКИЙ

По горизонтали:

7. Молодогвардейца, В. Ренка, вдохновившую в Псковском озере. 9. Драматургический художник-кинорежиссер. 11. Ветер, дующий на Байкал. 12. Красноярский ансамбль. 13. Музикальный ансамбль. 17. Лиственничное дерево. 18. Интересующийся всеми. 19. Племянница комедии Н. В. Гоголя «Игроки». 22. Шахматная фигура. 23. Племянница щада в Мингечевирском водохранилище. 25. Цветники. 27. Лесной вид. 28. Танец на тему Олимпийских игр по гребле на байдарках, награжденный Почетной медалью всесоюзного комсомола «Спортивная доблесть». 32. Повесть М. Горького.
2. Форд, американский высший пилотаж. 3. Советская социальный корабль-спутник. 3. Столица советской союзной республики. 4. Дома для детей. 5. Автор поэмы «Эол». 6. Русская народная песня. 10. Комедия Н. С. Тургенева. 14. Город в немецкой области. 14. Рассказ А. П. Чехова. 15. Польский писатель. 16. Древнерусский киевский князь. 17. Остров архипелага в Тихом океане. 19. Красноярский край. 23. Действующее лицо романа Л. Н. Толстого «Война и мир». 24. Бывший оттепельный покровщика. 26. Роман Д. Мамина-Сибиряка. 27. Сборник для подъёма и перемещения тяжестей. 30. Приключение реки По.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 19

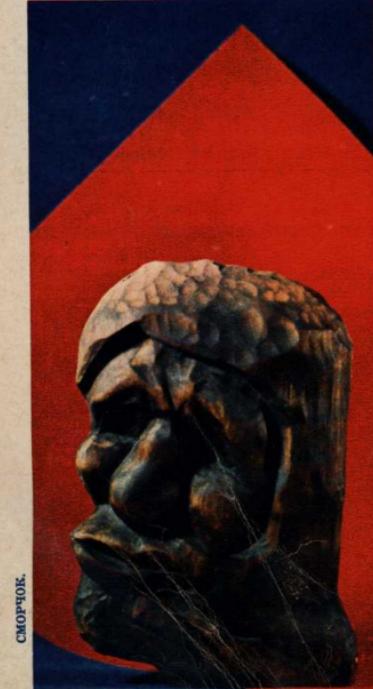
По горизонтали:

1. Лавров. 4. Осипов. 10. Оратория. 11. Усебиев. 13. «Отец». 14. Пискарёв. 15. Соловьев. 16. Степанов. 18. Жигунов. 20. Чекалинский. 23. «Москва». 25. «Пролог». 26. Остров. 27. Литвинов. 28. Синицын. 32. Леонидов. 34. Васильев. 35. Пласов. 36. Остров.

По вертикали:

1. Леонов. 2. Власенко. 3. «Овод». 5. Соки. 6. Платонов. 7. Тимонов. 8. Смирнов. 9. Аспект. 12. «Чемпионка». 16. Тарелки. 17. «Чемпионка». 21. Борисов. 22. Синицын. 24. Анизов. 25. «Парнас». 26. Козлов. 27. «Наташа». 31. Тибо. 32. «Цирк».

НОЙ.

СМОРЧОК.

ВЫДУМЫВАЙ, ПРОБУЙ- ТВОРИ...

Олег Исеев — молодой артист балета. Он обычный хореографический ученик при Большом театре. «Выпустил в свет» Олега известный мастер балета Леонид Иванов. Монет бытует мнение, что Иванов, покинувший фотографий сказала и на его учеников. По крайней мере Олег Исеев говорит сейчас, что именно это подтверждало у него уверенность: своим любимым, «домашним» делом надо продолжать заниматься.

ЛУКАВЫЙ.

Теперь скульптура стала как бы его второй профессией. Занятия скульптурой не мешают ему заниматься балетом. Олег чувствует, что это не мешает ему заниматься балетом. Природная наивность, хорошая зрительная память на лица, позы, движения, любовь к своим деталям, характерные портреты. Так, например, один из портретов, появившихся в 1978 году, долго напоминал о бароне Мюнхгаузене. Захотелось самому изобразить этого героя, этого смешного человека. Вылепить его, но не такого, каким барон был нарисован, а такого, увиденного мальчиком своим «внутренним зрителем».

Олег Исеев не создает портреты — «живые» скульптуры, скульптуры шары. Такова склонность его к натуре: привлекает прямая выразительность характера. Еще детство. Олег вспоминает, как на пластилине после того, как прочитал книгу о бароне Мюнхгаузене, захотелось самому изобразить этого героя, этого смешного человека. Вылепить его, но не такого, каким барон был нарисован, а такого, увиденного мальчиком своим «внутренним зрителем».

Наталья ДМИТРИЕВА

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820

